КАК НАЧИНАЕТСЯ ПОЛИТИКА?
HOW DO POLITICS BEGIN?

СОВЕТЫ, ДВИЖЕНИЯ, ПАРТИИ | SOVIETS, MOVEMENTS, PARTIES

>>> ЧАСТЬ #1 PART #1

ВЫПУСК #10 СЕНТЯБРЬ 2005
ГАЗЕТА НОВОЙ ТВОРЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ “ЧТО ДЕЛАТЬ?”
ISSUE #10 SEPTEMBER 2005
NEWSPAPER OF THE ENGAGED CREATIVE PLATFORM “WHAT IS TO BE DONE?”

Д. Виленский: Кронштадский Дневник
Николай Олейников: Спящие в Кронштадте
Давид Рифф, Алексей Пензин:
Политическая фикция и суверенная воля
Критика и Праксис:
Когда рабочих поработили средства их производства….
Илья Будрайтскис:
«Народный фронт» Кронштадта
Группа CAT: К вопросу о само-организации в искусстве
Джон Холлоуэй:
Тезисы к Социальному Форуму в Порто Алегре
Александр Скидан: Больше вопросов, чем ответов
Colectivo Situaciones:
Высотная болезнь / Заметки о путешествии по Боливии
Группа Taller Popular de Serigraphia
Артем Магун, Алексей Пензин:
Вне себя / диалог о политике

Dmitry Vilensky: Kronstadt Diary
Nikolay Oleynikov: Sleepers in Kronstadt
David Riff, Alexey Penzin:
Political Fiction and Sovereign Will
Kritik und Praxis:
When the workers were taken captive by their tools…
Ilya Budraiskis:
The “People’s Front” of Kronstadt
The CAT group:
On the question of self-orgaisation in cultural production
John Holloway: Porto Alegre Theses
Alexander Skidan: More Questions than Answers
Colectivo Situaciones:
Altitude Sickness / Notes on a Trip to Bolivia
Group Taller Popular de Serigraphia
Artem Magun, Alexey Penzin:
Beside Ourselves / A dialogue on politics

//

Приложение: проект Kronstadt FOREVER
Supplement: the project Kronstadt FOREVER

Дмитрий Виленский | Кронштадский дневник*

Граффити на дамбе – «Мятежный Кронштадт!»,
Рядом - «Свобода! Равенство! Братство!»
«Движение сопротивления имени Петра Алексеева» провело выездную сессию пробуждения сознания жителей острова, где время остановилось.

Пустые улицы, без припаркованных машин выглядят как выцветшие открытки 60-ых.

Вонючие магазины, где старые холодильники не справляются с жарой
Неужели кто-то готовит эту пищу?

Ночной мат на улицах, где нет шума транспорта поражает как афоризм
«Лен, жизнь всегда так - то до хуя, то ни хера…»

Город революционной славы – утыканный монументами имперской славы
Нужен ли еще один? Событию, о котором нет смысла вспоминать. Особенно здесь.

Памятник Ленину стыдливо перенесли с главной улицы в боковой сквер
Так спокойнее?

Братва вечерами съезжается на черных мерсах в единственную китайскую забегаловку -
Огромные кресты на обезьяних телах.

Здесь, думая о multitude, открываешь в себе разночинца,
который погружается в жизнь народа,
которому нет дела ни до множеств, ни до само-управления, ни до восстания.

«Мятежная субъективность»: пустая Якорная площадь – агора русских революций.
Лишь палатка с Арсенальным пивом нарушает его пустоту
Да время от времени останавливаются автобусы с туристами –
Пара фотографии на фоне вечного огня, подпрыгнуть (на счастье) по чугунной мостовой
и автобус уезжает под хохмы гида

В палатке тихо, радио не работает, продавщица задумчиво курит
и глядит на фасад собора, освященный закатным солнцем.
Клиентов нет. Мы сидим одни. Едим сомнительную китайскую еду
маленькими, гнущимися в руках пластиковыми ложечками.
Еда жесткая, десны болят, но хочется есть.

Зачем мы здесь?
Чтобы испытать этот убогий покой исчезновения жизни, политики, безвременья руин?

Нищая опрятность:
несмотря на груды брошенных упаковок, которых, кроме нас, никто не замечает.

При социализме не было упаковок.

В мусоре недавнего пикника, находим коллекцию агит-плакатов начала перестройки.

Собрать их, очистить от грязи - археологическое удовольствие.
Словно здесь выпивали не живые люди, а какие-то призраки,
подстилающие себе под задницы не бесплатные газеты-рекламу,
а то, что более естественно для призраков.

Лозунги 86-ого года звучат сегодня иначе:
Экономия и бережливость – путь к нашему богатству.
Мы дружбой, братством, единством крепки.
Вноси красоту в труд и в жизнь.
Мыслить по новому - работать творчески.
Качество это гарантия прогресса.
Жить и работать в ритме ускорения.
Планы партии - наши планы.
Грандиозным планам партии – энергию масс.
Энергию замыслов в энергию действия.

Они - как фотография обвала стены, в тот момент, когда она еще стоит,
но мы видим, что она замерла в неустойчивом равновесии и знаем,
что через секунду превратиться в груду кирпича.

Бадью неправ: *...что все, о чем якобы мечтают жители России, Венгрии, Болгарии — это то, что уже давно существует в наших печальных странах.*
Выборы и частная собственность, политики и дельцы:
неужели этим и ограничивается все содержание их устремлений?

Нет Ален, мы хотели другого: свободы быть и делать свое время
Путешествовать и мечтать, читать, что мы хотим и обсуждать это на улице.
Творить и показывать это людям, жадным до нового опыта.

От той нищей роскоши политической жизни осталась выжженная пустыня.
К кому нам обратиться здесь?

Политическую жизнь заменил музыкальный фонтан, построенный к юбилею города
радующий местных своей приятной мелодией
Затянувшийся ремонт торговых рядов - делают завезенные узбеки.
Ненависть к приезжим и мечта когда-нибудь добиться того,
что уже изображено на рекламе, о чем показывают по телевизору, чего уже достиг сосед.

Или же надпись на стене «Стеклопакет мы разобьем»

При этом: анти-коммунизм стал нормой восприятия истории
все хотят новый памятник – он будет напоминать
о «преступлениях большевиков против своего народа».

Скамейки в парке выкрашены в цвета российского флага заботливой администрацией
Это красиво и патриотично

В парке: асфальтовые корты, асфальтовые площадки для волейбола,
Асфальтовая беговая дорожка.

Что лучше: нищета для всех
Или удобства травяных кортов для немногих?

Не обязательно владеть Челси - кронштадские хозяева команды «Петротрест»
Глядят на своих игроков с не меньшим умилением: МОЙ Петя ударил!

А можно в старой маршрутке, которую ведет по дамбе водитель камикадзе
отбелив волосы перекисью, надев экстра мини
заворожено смотреть в свежий номер «Космополитэн»
и мечтать, что завтра встретишь директора банка
и глянцевая жизнь станет такой естественной
и ты уже не будешь ездить в маршрутке…

Неправда, что буржуазное общество убило мечту.
Мечта сегодня это отложенное потребление

она убила все другие формы воображения –
подвига,
дружбы
коммунизма

Убогое потребление самое разлагающее – оно парализует.

Мы ведем несправедливую войну, но у нас нет анти-военного движения

Социальная жизнь разрушена, но мы не ведем борьбу
за простое право получать зарплату

Образование приватизируется, но вкалывают и платят,
Вместо того, чтобы выкинуть ректора из его кресла.

Местные профсоюзы читают лекции «Как правильно уволить работника»
Наверное еще не всех поувольняли.

к чему походить на безумцев? Что мы можем изменить здесь, сейчас?

И все же есть что-то, что не позволит нам уклониться.

** В сентябре 2005 рабочая группа «Что делать?» была приглашена к участию в проекте «Kronstadt Forever». В рамках этого проекта нам удалось провести много времени в Кронштадте, знакомясь с городом и его социальной ситуцией. Для художников – участников этого проекта было важно не просто осуществить попытку художественного вмешательства в распадающееся социальное пространство – типичная ситуация любого современного российского города. Прежде всего, мы ставили вопрос насколько возможно актуализировать связь с вытесненным сегодня событием революции? Какие пространства открываются для публичной дискуссии, если мы в своих работах стремимся рефлектировать саму возможность обращения к одному из её наиболее трагических этапов – Кронштадского восстания 1921 года?*

Публикация №10 часть №1 - Идея и реализация: рабочая группа **“Что делать?”** | publication №10 part №1- idea and realisation: workgroup **“What is to be done?”**

редакторы | editors: Давид Рифф и Дмитрий Виленский | David Riff and Dmitry Vilensky
графика | Artwork and Layout: Дмитрий Виленский и Цапля | Dmitry Vilensky and Tsaplya
иллюстрации | illustrations: Дмитрий Виленский / Dmitry Vilensky

Издание осуществлено в рамках проекта “Kronstadt FOREVER”, инициированного швейцарскими художниками и искусствоведами Дельфин Райст, Жак Женни и Лоран Фолон и реализованного при поддержке Государственного Центра Современного Искусства, Петербург
(куратор: Мария Коростылева, координаторы: Римма и Виктор Ремишевские)
This publication was realized in the framework of the project “Kronstadt FOREVER”, initiated by the Swiss artists and critics Delphine Reist, Jacques Jenny, and Laurent Faulon and realized with the support of the National Center for Contemporary Art in St. Petersburg
Curator: Maria Korostileva, Co-ordinator: Rimma and Victor Remishevsky)

Состав рабочей группы “Что делать?”/// The members of the workgroup “Chto delat?”:
Глюкля (Наталья Першина) | Gluklya /Natalya Pershina
Артём Магун | Artem Magun /// Николай Олейников | Nikolay Oleynikov
Алексей Пензин | Alexey Penzin
Давид Рифф | David Riff // Александр Скидан | Alexander Skidan
Оксана Тимофеева | Oxana Timofeeva /// Цапля (Ольга Егорова) | Tsaplya /Olga Egorova/
Кирил Шувалов | Kiril Shuvalov /// Дмитрий Виленский | Dmitry Vilensky

www.chtodelat.org
contact: info@chtodelat.org /// dvil@surfeu.de

Перевод | Translations:
Давид Рифф | David Riff Russian-English:
Полина Журавская | Polina Zuravskaja: English-Russian and German-Russian
Nate Holdren and Sebastián Touza: Spanish-English
Кирилл Корконосенко | Kiril Korkonosenko: Spanish-Russian
Особая благодарность | Special thanks to:
Veronica di Toro (TPS); Oliver Mosset; Gabriel Lobos; Наталья Яценко | Natalja Jatsenko; Oxana, Droni

copyleft

информационный листок отпечатан в типографии ОО “Фирма “Курьер” тираж 3000

Dmitry Vilensky | Kronstadt Diary*

Graffiti on the levee – “Mutinous Kronstadt!”,
Nearby – “Freedom! Equality! Brotherhood!”
The “Pyotr Alexeev Resistance Movement” stopped over
Rousing the islanders from the island where time has come to a stop.

There are no parked car on its empty streets. Like a faded post-card from the Soviet Sixties.

Stinking stores, where old refrigerators fail to hold up to the heat
Who cooks and eats this stuff?

In streets devoid of traffic noise, nighttime cursing shocks you like an aphorism
“Lena: that’s life – it either comes in shitloads or leaves you with fuck all…”

Revolution’s glory-town – spiked with monuments to the glory of the Czar
Do they really need yet another monument to an event that there is no point in remembering.
especially here?

Shamefaced, they moved Lenin from the main street to a side square.
Is it better that way?

The hoods ride their black Benzes to the only Chinese take-away in the evening –
Huge crosses on ape-like bodies.

Here, thinking of the multitude, you feel like a displaced freedman
Plunging into the life of a people
That has no time for multitudes, no time for self-government, no time for insurrection

“Mutinous subjectivity”: empty Anchor Square – the agora of the Russian revolution.
Bare save a drinking-stall with Arsenal Beer
Though buses with tourists will make stop-overs once in a while:
a few photos against the eternal flame, a few jumps across the cast-iron causeway (for luck),
and the bus drives on to the sound of the tour-guide’s tasteless gags

In the stall, it’s quiet, the radio doesn’t work, and the shop-girl is smoking a pensive cigarette
Staring at the cathedral-façade, lit by the setting sun.
There are no customers. We’re here alone. Eating dubious Chinese food
With little plastic spoons that bend in our hands.
The food is rubbery, our gums hurt, but we really want to eat.

Why are we here?
To experience the shabby quiet of when life and politics disappear, leaving timeless ruins?

The cleanliness of poverty: never mind the wrappers discarded on the rocks,
which no-one notices except for us.

There were no wrappers under socialism.

In the garbage of a recent picnic, we find a collection of posters from the early Perestroika.

To gather them and to clean away the dirt is an archeological pleasure.
As though not the living but ghosts had been drinking here,
Bedding the ground under their bottoms with something more natural for ghosts
Than free advertising newspaper supplements.

The slogans from ’86 sound different today:
To Affluence through Economy and Thrift!
Friendship, Brotherhood, and Unity Make Us Strong.
Bring Beauty to Labor and Life.
Think Innovatively: Work Creatively.
Quality Guarantees Progress.
Live and Work to the Rhythm of Acceleration.
The Party’s Plans are our Plans.
The Immense Plans of the Party Need the Energy of the Masses!
Energetic Ideas through Energetic Action!

A snap-shot of a collapsing wall still standing:
We see that the wall has frozen in teetering balance,
But we know that it will turn to rubble within a matter of seconds.

Badiou is wrong:…: what we in Russia, Hungary, Bulgaria seemed to dream back then
had already been around in our sad-and-sorry countries for a very long time.
Elections, private property, politicians, wheelers, dealers: was this the sum of our dreams?

No, Alain, we wanted it all: the freedom to be, to make our time
The right to travel and reverie, to read whatever we wanted, to talk about books on the street.
To make something and to show it to the others, all of us hungry for something new.

This beggar’s luxury of the political has left behind a charred wasteland.
Whom should we turn to here?

In place of political life, there is a musical fountain, built on the city’s jubilee
Bringing joy to the locals with its pleasant jingles.
The shop-stall-row is undergoing extended renovation by imported Uzbeks.
Hatred toward the foreigners and the dream of making it big one day and gaining what
Advertising already illustrates, what television already shows, what the neighbors already have

Or, like it says on the wall: “We will smash your double-glazing”

At the same time: anti-Communism is the norm applied to history.
Everybody wants a new memorial
To “the Bolshevik’s crimes against their own people”.

In the park, the attentive administration has painted the benches in the colors of the Russian flag
Both pretty and patriotic

In the park: asphalt courts, asphalt quads for volleyball
Asphalt tracks for runners.

What’s better: poverty for the many
Or the comfort of grass for the few?

You don’t have to own Chelsea – in Kronstadt, the owners of the “Petrotrest” team
Gaze at their players with no less tenderness: MY Petya took a shot!

And in the old shuttle bus, which the driver steers kamikaze along the levee
After bleaching your hair with peroxide and putting an extra mini
You can flip through the brand-new issue of “Comsopolitan” spell-bound
And dream that tomorrow you might meet a bank director
And the glamorous life will seem completely natural
And you won’t need to take this shuttle anymore…

It’s untrue that bourgeois society has killed dream.
Today, dreaming is deferred consumption

it has killed all other forms of imagination –
bravery,
friendship
communism

Squalid consumption is so destructive because it paralyzes.

We wage unjust wars, but we have no movement against the war

Social life lies in ruins, but we don’t struggle
For the simple right to receive our wage

Education is being privatized, but student work their asses off and pay,
Instead of throwing the rector from his chair.

The local unions read lectures: “How to Fire Your Employee Properly”
They probably haven’t fired everybody yet.

What’s the good in looking like lunatics? What can we change here and now?

Because there’s something that won’t let us turn away.

** In September 2005, the workgroup “What is to be done?” was invited to take part in the project “Kronstadt Forever”, on occasion of which the part of the group that lives in Petersburg was able to spend lots of time in Kronstadt, becoming acquainted with the city and its social situation. For us, it was important not just to attempt artistic intervention into a disintegrating social space – a situation typical for any Russian city today. Instead, we were asking ourselves in how far it is possible today to actualize the connection with the repressed events of the revolution? Which space of public discussion opens when you engage in the analysis of one of its most tragic episodes: the Kronstadt Uprising of 1921?*

Николай Олейников | Спящие в Кронштадте ////// Nikolay Oleynikov | Sleepers in Kronstadt

Давид Рифф, Алексей Пензин | Политическая фикция и суверенная воля / заметки о современном смысле «анархического»

1. Призрак анархизма

В последние годы можно наблюдать серьезные изменения позиций значительной части теоретиков левого лагеря. Сохраняется пристальное внимание к проблеме власти, которая, как предполагается, в значительной степени автономна по отношению к социально-экономической субструктре. При этом власть, разумеется, не сводится к государству и юридической фигуре суверенности, охватывая все сферы жизни.

Отсюда следует критическая переоценка революции как проекта, центрированного на захвате государственной власти, и упускающего из вида другие факторы и зоны угнетения, что в итоге обрекает его на якобы неизбежный провал. Ориентиром в поисках выхода из ловушек борьбы за власть, расставленных тонкими механизмами суверенитета, становится создание силы противодействия, основанной на самоорганизации общества, которая и изменит мир, здесь и сейчас, а не только в каком-то отдаленном будущем. Да, это изобретение мира заново, мира без власти, может показаться коллективным заблуждением или фикцией - допускают сторонники такого подхода - но активная вовлеченность способна сделать сегодняшнюю фикцию завтрашней реальностью.

Каким бы вдохновляющим не казалось подобное проектирование, в нем есть нечто, что кажется сомнительным с точки зрения политического и философского мышления, идущего от Маркса. Хотя сегодняшнее обсуждение “промежуточной революции” (interstitial revolution – см. публикацию Д.Холлоуэя в этом номере) облечена в современные формы политического и теоретического языка, она очень напоминает некоторые дискуссии 19 века, например, полемику между Марксом и Бакуниным, между марксизмом и анархизмом. Мы исходим из предположения, что ее основные моменты сохранили свое значение и сегодня. Далее мы, пользуясь новыми поводами, предлагаем наши критические заметки, инспирированные старой полемикой.

2. Обратная сторона Октября

Поиск политических проектов, которые могли избежать неудач прежних, закономерно побуждает к экскурсам в историю революций, которая несет в себе немало трагических эпизодов. Один из них - матросский мятеж 1921 года в Кронштадте. Кронштадт был революционным эпицентром Октября 1917 года, однако несколько лет спустя моряки, организованные в революционные советы, восстали против того самого государства, которое основала революция. Их лозунгом было: “Вся власть Советам, а не партиям!”.

Игнорируя исторически-конкретную логику чрезвычайной ситуации и гражданской войны, Кронштадт 1921 года выдвигал лозунги немедленного возвращения к «идеалам революции», и в свете общего положения дел того времени его жесты суверенности вроде поздравления США с избранием нового президента выглядят весьма комичными. Однако напрашивающееся утверждение в духе «18 брюмера», что Кронштадт был всего лишь фарсом Октября, кажется, пожалуй, слишком жестким.

В этом повторении есть и более позитивный смысл. Лозунг “Вся власть Советам, а не партиям!” кажется предвосхищением коллапса государственного социализма в самый момент его возникновения, указывая на его причину – хроническую нехватку солидарности и вовлеченности, как результат подчинения самоуправления административному аппарату партии. В этом смысле Кронштадт при желании можно прочитать как фигуры политической потенциальности, которую Советское государство так и не смогло раскрыть.

В то же время, отчаянная попытка кронштадстских моряков установить принцип тотальной самоорганизации возвращает к волюнтаризму самой Октябрьской революции. В новом акте коллективной политической воли Кронштадт восстает против близких и отдаленных последствий этого волюнтаризма - военного коммунизма, затем НЭПа, а потом и “социализма в одной отдельно взятой стране”. Стало быть, Кронштадтское восстание – это обратная сторона того самого акта политического основания, который легитимировал суверенность советского государства.

“Третьей революции” так и не произошло. Вопрос о дальнейшей судьбе этой потенциальности в момент современной реставрации капитализма остается, возможно, еще открытым, хотя и весьма усложненным. Ведь переоценка Кронштадта как «Третьей революции» - уже в качестве политической репрезентации - влечет за собой его утверждение как символа политической и «метафизической» воли, которая не считается с теми путями, на которых организуется сама история. Эта репрезентация Кронштадта пренебрегает тем действительным процессом самоорганизации как производства, который происходил в матросских советах, со всеми микрополитическими антагонизмами, которые там разворачивались. Кодификация этого события как эпизода некой апокрифической альтернативной истории означает, что его реальность потеряна где-то в архиве, в топком болоте первоисточников. Важен-де сам лозунг, репрезентация, имя. Однако в этом качестве такой лозунг принимает негативное звучание, становясь лишь одной из эмблем трагического хода истории, ее утраченных возможностей. Кронштадт становится меланхолической фигурой. Что отнюдь не открывает путей высвобождения его политической потенциальности.

3.Политическая фикция воли

Но есть и другая перспектива в оценке Кронштадсткого восстания. “Заглядывая вперед из нашего сегодня” (Холлоуэй), это событие можно прочитать как коллективную политическую фикцию, - во всех, негативных и позитивных, смыслах этого слова. Наша рабочая идея «политической фикции» основывается на допущении, что та или иная политическая репрезентация не может быть натурализована: она всегда производится как инструмент формирования реальности, и это производство есть социальный процесс. Это фигура, с помощью которой люди представляют свою субъективность и некую «микрополитическую» волю изменить status quo. Такая фикция всегда мерцает на границе между кодификацией и тенденцией вести собственную жизнь, трансформируя реальность через процесс коллективного авторства, процесс “самоорганизации” в том смысле, что политика больше не соотносится с «большим Другим», но со многими сингулярными другими. Ее кодификация означает, что она становятся чистой репрезентацией, в которой стерт момент производства: общим стереотипом, политическим «мифом», идеологией или утопией, утратившей свою перформативность. Эта подмена всегда основана на явном или неявном включении в игру традиционно понимаемой «макрополитической» воли, выражающей логику суверенитета государства, народа, «большого дела» и т.д.

Поскольку политическая фикция не доверяет “большим повествованиям”, она постоянно рискует пропустить большую Историю как таковую, становясь антиисторичной. Антиисторизм, аутично противостоящий отчужденному индустриальному обществу, характерен для анархизма в целом (старая мечта о коммунах, фаланстерах). Вневременная идиллия самоуправления кажется стоящей в резком контрасте с реальной историей анархизма - истории преходящих и смещающихся протестов против вечной, абстрактной эксплуатации и господства. Эта конфронтация между внеисторическим идеализмом и грубой реальностью, “железной поступью” истории раскрывает сущность главного противоречия анархизма, которое хорошо выражается в кронштадтском восстании. Кронштадт, как и Барселона в 1937, - это событие, которое избегает истории как «реального»: короткая вспышка воображаемого, направленная против вечного (символического) status quo.

Политическая фикция возможности революции здесь-и-сейчас всегда была камнем преткновения, особенно если эта революция потакает некой «общей воле», которая выражает историческую необходимость в момент ее зарождения. В этом свете политическая фикция анархизма представляется как выражение непримиримой воли, волюнтаристски-виталистского строительства реальности. Вот почему маркистские интеллектуалы питали наибольшую неприязнь к анархистским интерпретациям Кронштадта. Не из-за лояльности «партийному курсу», но потому, что подобная анархическая «воля» сама строится по все той же модели суверенности, против которой она восстает. Ее призыв к «альтернативной онтологии» здесь и сейчас оказывается иллюзорным, когда обнажается механизм суверенности.

Можно было бы именно так прочитать критику Маркса в адрес Бакунина. Фикция потенциальной революции в аграрной России 19 в. как характерный пример репрезентации воли: “[Бакунин] абсолютно ничего не понимает в социальной революции, видя лишь ее политическую фазу. Ее экономические условия для него не существуют. […] Он хочет, чтобы европейская социальная революция произошла при том уровне капиталистического производства, который характерен для России и других аграрных стран. […] Воля, а не экономические условия, есть основание общественной революции.”

4. Блуждающий симптом

В связи со всем этими контекстами вопрос о современном политическом смысле «анархизма» и приобретает свое значение. Так перейдем от «полезных фикций» к «грубой реальности». Что, собственно, представляет собой этот современный «анархизм», теоретически и практически?

Похоже, кроме авторов 19 в. и нескольких имен из расплывчатых антологий современной «радикальной мысли» нет ничего, что можно было бы указать на «современную теорию анархизма». Но при этом некоторые общие представления, связываемые с анархизмом, получают неожиданное продолжение в теории последних десятилетий: критика репрезентации, в том числе в политическом поле, вскрытие «микрофизического» измерения власти, политика «микрогрупп» и прямого сопротивления. Неудивительно поэтому недавнее появление книг с названиями вроде «От Бакунина к Лакану». Нам говорят, что еще у Бакунина полемике с Марксом власть представлялась, во-первых, не просто надстроечным эффектом, инструментом классового господства, и локализованной не только в государственном аппарате, но и в церкви, семье, партии. Что, во-вторых, еще у ранних авторов этой традиции фигура репрезентации, политически воплощенная в форме представительской демократии, становилась предметом критического анализа.

Таким образом, мы можем зафиксировать новую аттрактивность «анархического», которое воскресает в более рафинированной форме и в других, смешанных типах дискурса и под другими именами. Такой имплицитный и анонимный «анархизм» начинает претендовать на новизну и альтернативность, почти на гегемонию. При этом сам анархизм в узком смысле слова остается маргинальным, тематически смещаясь в сторону других социальных движений, например, экологического. (Не говоря уже о его малопривлекательных сторонах вроде функции «клапана», через который пропускается пубертатная сверхактивность тинейджеров, или, если смотреть шире, о его оприходовании позднекапиталистической массовой культурой, через потребление образов дарующей прилежным офисным работникам компенсаторное ощущение неподчинения.)

Так или иначе, налицо своего рода двойное смещение анархизма - его практическая маргинализация и теоретическая валоризация «в другом месте», - придающая ему статус симптома. Видимо, его и нужно так рассматривать – как симптом, как «анархическое», а не «анархизм» в собственном историческом и политическом смысле, который сейчас передислоцировался и рассеялся в других областях.

5. Вне государства?

Вопрос в том, какие социо-политические констелляции этот симптом формируют. Здесь можно вспомнить о базовой характеристике, данной Марксом «мелкобуржуазности». Ее положение – транзитивно, она подвешена между «буржуазией» и «пролетариатом», и находится в состоянии неустойчивого равновесия, между тенденциями к обуржуазиванию (субъективно) и одновременно пролетаризации (объективно – то, что сегодня, например, назвывается «прикаризацией»), выражая противоречивую смесь классовых интересов. Нестабильная структура этого коктейля интересов провоцирует не очень трезвый бунт «против всех партий», против всех исторических сил и властей. Что бы не говорили о «размывании» классов прежнего «фордистского» общества (на самом деле – лишь о диффузии прежних социальных репрезентаций), наемный труд, изменив в определенных областях свое содержание как «имматериальный труд», приобрел сейчас всеобщие формы. Маркс был прав в своем прогнозе об окончательной пролетаризации мелкой буржуазии. Теперь petty bougeoisie – это чистое структурное различие, блуждающая классовая граница, которая уже не имеет реальных носителей, соответствующей «прослойки» (оставим политическую фикцию «среднего класса» либералам). Точно также и «анархическое» теряет своих политических агентов и распыляется как постоянное симптоматическое смещение – идеологическое, политическое.

Стоит сказать и о текущих трансформациях государства, тотальная критика которого была одним из отличительных признаков анархизма 19 века. Вряд ли можно столь решительно говорить о размывании государственных суверенитетов в условиях глобальной мироэкономики, однако стоит согласиться с тем, что их стабильность в значительной мере поколеблена. Сюда же добавляются теории «множеств» как новой политической субъективности, избавленной от включения «политическую теологию» государства. «Множества», противопоставляемые «народу» как части традиционной конструкции новоевропейского суверенитета по способу своего бытия находятся вне государства, хотя могут формально состоять из его подданных. Здесь государство уже не становится яростно оспариваемым врагом, каким оно было для Бакунина и его последователей. Оспаривать просто нечего, поскольку множества и так находятся «вне» государства. Сам способ бытия множеств определяется постольку, поскольку они а-государственны, ан-архичны.

«Анархизм», таким образом, претерпевает трансформацию, смещаясь от противостояния государству к своеобразной онтологической воплощенности. Снимает ли эта (по правде говоря, лишь предполагаемая) воплощенность большую часть его проблематики? Скорее, это своеобразная хитрость истории: ироническая аннигиляция анархического тезиса, ведущего свое призрачное существование под именами новых политических и теоретических альтернатив. Стоит более внимательно относится к тем ловушкам, которые они для нас расставляют, обещая обезвредить старые.

***Алексей Пензин**, род. 1974 г. в Новгороде, философ, политический аналитик, член рабочей группы «Что делать?». Живет в Москве*

***Давид Рифф**, род. 1975 г. в Лондоне, художественный критик, писатель, член рабочей группы «Что делать?». Живет в Москве и Берлине*

David Riff, Alexey Penzin | Political Fiction and Sovereign Will: Notes on the Contemporary Meaning of the "Anarchical"

1. The Specter of Anarchism

In recent years, one can observe a deep-seated paradigm shift in the theories of the Left. While many theorists keep their steadfast attention focused on the problem of power, they also see it as something autonomous of its socio-economic base. Moreover, they feel that power cannot be reduced to its traditional representations such as the state or the juridical figure of sovereignty. Instead, it envelops all spheres of life. This, in turn, has spurred a critical re-evaluation of the notion of revolution. As a project centered on government take-overs, the revolution appears as something that loses sight over all the other zones in which power is implemented. Entangled in the mechanism of political sovereignty, it seems doomed to inevitable failure. In search of a way out of this dead-end, the Left abandons the project of revolution altogether or modifies it beyond recognition, orienting itself toward the creation of counter-power through society's self-organization, which will change the world, not only at some point in the future, but here-and-now as well. This re-invention of a world without power may be appear as a collective fiction, admit its proponents, but active participation will turn today's fiction into tomorrow's reality.

No matter how attractive this new projection seems, it is something that political or philosophical thought that departs from Marx will find highly dubious. Even if today's discussion of "interstitial revolution" (as in Holloway, see this issue) may be couched in up-to-date forms of political and theoretical language, it still seems very reminiscent of certain themes and discussions carried out in the second half of the 19th century, namely the polemic exchanges between Marx and Bakunin, between Marxism and anarchism. For the purposes of this text, we are working from the assumption that the main points of this discussion still retain their significance today. In the following, we will offer our own critical notes on this age-old polemic and its unlikely reappearance.

2. The Flipside of October

Today's search for a political project that could avoid the snares of the past prompts an excursion into the history of revolution, a history of many defeats and tragic episodes. One of these episodes is the Kronstadt Uprising of 1921. Historically, the naval base Kronstadt near Petersburg was one of the epicenters of the October Revolution, but only a few years later, its sailors – who were organized into revolutionary councils – rose up against the state that the revolution had founded. Their slogan: "All Power to the Soviets, and not to the Parties!"

Refusing and ignoring the historical-concrete logic of the civil war, the sailors of Kronstadt proclaimed an immediate return to "the ideals of the revolution", but in the light of the general situation in Russia at the time, their gestures of sovereignty – such as congratulating the USA on the election of a new president – seem rather comical. However, to follow the vein of the "18th Brumaire", and to assert that Kronstadt 1921 was little more than a farcical replay of the October Revolution, would probably be a little harsh.

Then again, the notion of replay could be understood in a far more positive sense. The slogan of "All Power to the Soviets and not to the Parties" seems to anticipate the collapse of state socialism at the moment of its inception, pointing toward its reason, namely a chronic lack of solidarity and engagement as a result of the subordination of self-government to the party's administrative apparatus. In this sense, Kronstadt can be misread as a figure for the political potential that the Soviet state was never able to tap into completely.

At the same time, the desperation of the Kronstadt sailor's attempt to implement the principle of total self-organization (here-and-now) inverts the voluntarism of the October Revolution by rising up against its inevitable consequences – of war communism, and later, NEP and socialism in one country – in another act of the (collective) micro-political will. In this sense, it is the flip-side of the political myth that legitimized the sovereignty of the Soviet state.

But the Third Revolution never came. The question of its potentiality's further fate may yet be undecided. But now that capitalism has been "restored" to Russia, its context has become even more complex. After all, once Kronstadt becomes a symbol for the "Third Revolution" – even on the level of political representation – it confirms itself as a symbol of the political, "metaphysical" will, which refuses to follow the paths according to which history organizes itself. This representation of Kronstadt disavows those real processes of self-organization as production that took place in the sailor's councils, and it also ignores all of the real micropolitical antagonisms that unfolded there. Once the event is codified as an apocryphal episode of an alternate history, its social reality is lost somewhere in the archive, among a slew of primary sources. What is important is the slogan, the representation, the name itself, which expresses history's tragic progression, its lost possibilities. Kronstadt becomes a melancholic figure. Which doesn't exactly upon the path for unleashing its true political potentiality.

3. The Political Fiction of the Will

But there is another way of looking at the Kronstadt Uprising of 1921. "Looking for ways forward" (Holloway) from today, Kronstadt 1921 can be read as a (collective) "political fiction", in all positive and negative meanings of the phrase. Our working notion of the "political fiction" rests upon the assumption that this or that political representation cannot be naturalized: it is always produced as an instrument of forming reality. In the social process, it appears as a figure through which a given group of people represent their collective subjectivity and implement a certain "micro-political" will to change the status quo. This figure always fluctuates on the boundary between codification and the tendency to lead a life of its own, transforming reality through a process of collective authorship, "self-organizing" in the sense that its policies are no longer geared toward some "Big Other", but toward many singular others. Yet the codification of this myth means that it becomes a pure representation, in which the moment of production has been erased: a stereotype, a political myth, an ideology or a utopia, losing all of its performativity. This replacement is always based on an obvious or less obvious insertion of a more traditional "macropolitical" will, which expresses the logic of the state's sovereignty, the people, the "movement" etc.

Since the political fiction mistrusts the "grand narratives" of political representation so deeply, it constantly runs danger of ignoring the "grand narrative", of becoming ahistorical. Ahistoricism, incidentally, is a quality of anarchism's entire resistance to the alienation of industrial society (the old dream of communes and phalastres), but this timeless idyll stands in stark contrast to the real history of anarchism, a history of transitory and confused protests against some eternal, abstract exploitation and dominance. This confrontation between idealism beyond history and the brutal reality of "history's iron logic" reveals the essence of anarchism's main contradiction, which the Kronstadt Uprising expresses rather compactly. Like Barcelona 1937, Kronstadt is an event that flees history as "reality", a short flash of the imaginative, aimed against the eternal (symbolic) status quo.

The political fiction of the possibility for a revolution here-and-now has always been a bone of contention, especially if this revolution promotes some "general will", expressing the historical necessities in the moment it is conceived. In this light, anarchism's political fiction appears as an expression of the implacable will, a voluntarist-vitalist construction of reality. This is why Marxist intellectuals have also been so adverse to the anarchist interpretation of Kronstadt. Not because of loyalty to "party doctrine", but this kind of anarchist "will" is constructed according to the same model of sovereignty against which it rebels. Its calls for an "alternate ontology" here and now turn out to be illusory, as soon as the mechanism of sovereignty is laid bare.

This is exactly how one could read Marx' critique of Bakunin. The fiction of a potential social revolution in agrarian Russia of the 19th century can be read as a typical representation of the will: "[Bakunin] understands absolutely nothing about the social revolution, only its political phrases. Its economic conditions do not exist for him. […] He wants the European social revolution, premised on the economic basis of capitalist production, to take place at the level of the Russian or Slavic agricultural and pastoral peoples [...] The will, and not the economic conditions, is the foundation of his social revolution." (http://www.marxists.org/archive/marx/works/1874/04/bakunin-notes.htm).

4. Symptom in transit

It is in connection to this complicated context that anarchism takes on its contemporary political meaning. But let's turn from "useful fictions" to reality. What exactly is "anarchism" in theory and praxis today?

Aside from a few names from the hazy anthologies of "radical thought", there is actually no such thing as a "contemporary theory of anarchism". But nevertheless, certain common notions connected to anarchism find an unexpected continuation in the theories of the last decades: the critique of representation, including all representations on the political field, the uncovering of the "micropolitical" dimension of power, the politics of "micro-groups", and direct resistance. This is why recent appearance of books with names like "From Bakunin to Lacan" are hardly surprising. First, we are told that in Bakunin's polemic with Marx, power did not simply appear as a superstructural effect or an instrument of class hegemony, that it was not localized in the apparatus of the state, but that it was an integral part of the church, family, and political parties. And then, we hear that even the earliest authors of this (anarchist) tradition subjected the figure of representation – and its political embodiment in the form of representative democracy – to an exacting critical analysis.

In this way, we can constate the new attraction of a hidden "anarchist" tradition, which is revived in a more refined form and in other, more heterogeneous types of discourse, under other names. This implicit and anonymous "anarchism" begins to vocalize its pretenses toward innovation and alternative, almost demanding hegemony. But all the while, anarchism in the narrow sense remains marginalized, while its themes drift in the direction of other social movements, such as the environmental movement, for an example. (Not to mention its less attractive sides such as its function as a "pressure valve" for venting the adolescent hyperactivity of teenagers, and – speaking more broadly – its capitalization by mass culture, through the consumption of images that offers all those industrial office worker a compensatory insubordination kick.)

Either way, one can see that anarchism has been displaced in two ways: while it has been marginalized in praxis, it also undergoes theoretical valorization "elsewhere", giving it the status of a (discursive) symptom. It seems that this is how it should be understood, as a symptom, as the "anarchical" rather than as historical and political "anarchism" proper, which has been dislocated and dispersed into other fields.

5. Beyond Sovereignty?

If one continues the motion from fiction to reality, one cannot help but ask which socio-political constellations give rise to this symptom. Here, one could remember the basic quality that Marx attributed to the "petit bourgeoisie". Its position is transitory: it hangs between the "bourgeoisie" and the "proletariat", caught in a state of unstable balance, between the tendency toward becoming bourgeois (subjectively) and becoming proletarian (objectively, in what is called "precarization" today), expressing a self-contradictory mixture of class-interests. The unstable structure of this interest-cocktail leads to a revolt "against all parties", but this revolt is hardly sober in its protest against all historical forces and powers. Whatever one might say about the "blurring" of classes of the former "Fordist" society (actually little more than the diffusion of earlier social representations), hired labor has taken on a universal form, even its content has become "immaterial labor" in certain areas. Marx was right in his prognosis on the final proletarianization of the petit bourgeoise. By now, the petit bourgeoisie has become a purely structural difference, a migrating, dislocated class-boundary, which no longer has any real carriers of its own and corresponds to little more than the prosloika, a layer inbetween, (let's leave the political fiction of the "middle class" to the liberals). Much in the same way, the "anarchistic" quality loses its political agents and disperses as a constant symptomatic suspension.

However, to be fair, it makes sense to mention the ongoing transformation of the state, whose total criticism was one of the distinctive features of 19th century anarchism. It is doubtful whether one can really be so certain in speaking of the blurring of state sovereignty under the conditions of world-economy. But it certainly does make sense to agree that its stability has been shaken considerably. It is this context that gives rise to the theory of the "multitude" as a new form for political subjectivity, stripped of the state's "political theology". The "multitudes" – as opposed to the people – are beyond the state by the virtue of their very being, even though they can formally consist of the state's subjects. Here, the state is no longer as controvertible an enemy as it was for Bakunin and his followers. The problem is that there is nothing to controvert, since the multitude is already "beyond" the state. The very mode of the multitude's being is defined by the degree to which is a-national, an-archic.

In this sense, "anarchism" is undergoing a transformation, drifting from opposition to domination to its own kind of ontological embodiment. Does this embodiment (much of it fictional, to be honest) divest it of a large part of its problematique? It is more likely that this is yet another trick of history: the ironic annihilation of the anarchist thesis, which lives out its spectral existence under the name of new political and theoretical alternatives. We need to be more aware of all the traps that these alternatives set in trying to defuse the snares and pitfalls that were already there.

Alexei Penzin, *born 1974 in Novgorod, philosopher, political analyst, writer, member of the workgroup "What is to be done". Lives in Moscow*

David Riff*, born 1975 in London, art critic, translator, writer, member of the workgroup "What is to be done?". Lives in Moscow and Berlin.*

.

1.
But in another respect, the solution of an intellectual problem arises not much differently than when a dog who carries a stick in its mouth wants to go through a small door; he turns his head left and right as long as necessary to make the stick slip through. We do it just like this, with the difference that we do not go act haphazardly but know from experience more or less how we should go about it."
Robert Musil, The Man without Qualities

Robert Musil's description of the cognitive process seems especially relevant to the Left's struggle for a better society. But is the quote's last half-sentence really true? Do we "know from experience more or less how we should go about" changing society for the better? This question is particularly relevant in reflecting the historical experience of the Soviet Union, a history that leads from triumph to defeat. This process of reflection has been encumbered by party-loyalty: those who dared to place their fingers into the open wounds of Communist history often risked being denounced as traitors by their comrades. To make matters worse, the special emphasis that Soviet Marxists placed on (re)writing the narrative of the Soviet Union's becoming paradoxically interferes with any attempt to explore and evaluate its actual history.
Among the events that characterize the early Soviet Union, the revolt of the sailors at Kronstadt and its suppression through the Bolshevik government seems especially salient. It can be seen as the last meaningful attempt of the worker's and soldier's soviets – the mainstay of the October Revolution's victory – to correct the Bolsheviks' seizure of power, attempting to replace it with the hegemony of councils. Dissatisfied with the elimination of revolutionary-democratic institutions, the Kronstadt councils turned against the central power of the Bolsheviks, who, in their opinion, had succeeded in "luring the sons of the working people (…) into the rows of the Party through cunning propaganda and placing them into the fetters of strict discipline. Then, when the Communists felt strong enough, they silenced the other directions of socialism one by one, eventually pushing the workers and peasants away from the helm of the state, although they continued to rule the country in their name". (Dokumente der Weltrevolution" Bd. 2, S. 28)
But the Kronstadt Uprising did not only mark a deep dissatisfaction with the increasingly authoritarian policies of the revolution's Bolshevik leadership. As the high point in a long wave of strikes and revolts directed against wage policies, controlled economy and Red Terror, it seemed to confirm the necessity of the decisions that introduced the New Economic Policy (NEP), which abandoned the revolutionary program of war communism in favor of market-economic liberalization in the sectors of agriculture and small business, while retaining control over the "commanding heights" of industry, that is, the large factories producing coal, iron, electricity etc. Most obviously, these measures were meant to safeguard the integrity of power, which was threated by the increasingly dire supply situation in predominantly agrarian Russia.
But the NEP also had a global dimension: in 1917, Lenin was still arguing against the international social democratic idea that a proletarian revolution would only be possible in a well-developed capitalist country, pointing out that in Russia, where capitalism was underdeveloped, the state's power was based upon pre-bourgeois structures, greatly increasing the chances for revolution. Once "the imperialist chain had been broken at its weakest link", Lenin argued, the revolution would carry over to Europe. But once it became clear that the Western European revolution had failed, Lenin realized that the Russian revolution now faced the choice of giving up or going into hibernation. Kautsky commented this dilemma as follows: "Our Bolshevist comrades have staked all on the card of the general European Revolution. As this card has not turned up, they were forced into a course which brought them up against insoluble problems." (Karl Kautsky, The Dictatorship of the Proletariat, http://www.marxists.org/archive/kautsky/1918/dictprole/ch06.htm).
To put it differently, Lenin's practical voluntarism ran up against a historical boundary, which he attempted to break through by falling back on history as a supposedly objective process of the development of productive forces. The NEP

was supposed to take over the historical task of the bourgeoisie, namely to allow the forces of production to develop as the material pre-requisite of socialism. According to Lenin, this was a task that the bourgeoisie was no longer capable of fulfilling, since capitalism had reached the phase of its own imperialist dissolution. Thus, in the summer of 1923, Lenin writes: "If a definite level of culture is required for the building of socialism (although nobody can say just what that definite "level of culture" is, for it differs in every Western European country), why cannot we begin by first achieving the prerequisites for that definite level of culture in a revolutionary way, and then, with the aid of the workers' and peasants' government and Soviet system, proceed to overtake the other nations?" (Vladimir Lenin, Our Revolution, 1923, http://www.marxists.org/archive/lenin/works/1923/jan/16.htm).
This view continued to provide a point of reference for the Soviet economy for decades to come. Throughout the 1920s-30s, beginning in the period of the NEP and continuing through the reign of Stalin, the Soviet state attempted to mirror the development of productive forces in the heavily industrialized capitalist West, invoking the metaphor of a tool that would only need to be used properly. As this economic policy progressed, it became clear that the organization of concrete labor would need to draw upon the Taylorist techniques of discipline and rationalization, whose only criterion is productivity. In other words, it would need to realize the proletariat as an objectified proletariat instead of anticipating its complete abolition through a process of political subjectification. Obviously, the demands of the sailors at Kronstadt prefigure this objectification of political subjectivity. The sailors at Kronstadt voted against the state in favor of the councils and in favor of their own emancipation. The councils located emancipation within the production process and not in some external instance. The productive process of society, the form and context of labor that is meant to ensure the reproduction of society as a whole, is the political arena of conflict for both the individual and society at large.
For Lenin, however, the emancipation of individuals was no more than a byproduct of the emancipation of the forces of production. In taking this view, he relegated the process of development into the one-sided sphere of objective being, degrading the insights and consciousness of subjectivity to nothing but a purely passive reflection and reproduction. Thus, history becomes little more than a case study for a theory of nature, whose scientific insights approach the absolute truth in an evolutionary progression. Since the party simply applies and implements the laws of nature, its actions gain an unimpeachable scientific basis. Pure theory can be realized in a pure praxis, a praxis that applies the discovered truth in reality. In this way, Leninism reduces the notion of praxis to the administrative-institutional implementation of the Party's theoretical insights. As such, the institutions of the proletarian revolution became redundant, and in the worst case, counter-revolutionary.

Ilya Budraiskis | The "People's Front" of Kronstadt

Any discussion on Kronstadt today, as 70 years ago, is a historical discussion in the full sense of the word. Neither details nor these or those interpretation of concrete facts are at stake. Instead, the discussion's central issue is revolution and revolutionary war as such, the significance and the logic of October. The supression of the Kronstadt Uprising has taken a lasting position in the "top ten" moral indictments of Bolshevism, along with the "philosophical steamboat" and the "money of the German general staff".
Both anarchists and liberals find themselves agreeing over this point of accusatory indictment in their critique from both right and left, forming what Trotsky aptly called a "people's front" of sorts, and calling the validity of the October Revolution into question. For the right, this episode is important because it confirms that the establishing of the "commissars'" totalitarianism had reached its final stage of becoming, stepping into conflict with its recent mainstay, the revolutionary sailors. To anarchists, Kronstadt is a timeless continent drowned in non-being, an "Atlantis" of the democratic socialism of the masses, the revolution's turning point, after which its fate was already completely pre-determined. The question is whether there was really any possibility of a historical turn and whether Kronstadt really did offer any political or social alternatives?
It goes without saying that this question did not arise in 1921. Instead, it emerged from a meaningful history distance, almost twenty years later. The "Bolshevization of Comintern", the supression of the Left Opposition within the Soviet communist party, and, finally, the Moscow show-trials of the late 1930s confronted the European left with the problem of rethinking Russia's post-revolutionary construction of socialism. The rapid onset of fascism and the defeat of the worker's movement pushes the absolute majority to one of two answers, namely either to accept Stalinism at the continuation of the logic of revolution and building socialism, or of declaring the policies of the Bolsheviks to be flawed *from their very beginning* onward.
Debates as to whether the Kronstadt Uprising is a historical turn from revolution to dictatorship, the first step in the establishment of a totalitarian state, only began in 1938, in both the liberal émigré press and all along the socialist spectrum. These discussions included significant figures such as Viktor Serge and Mark Eastman. However, the driving force behind their declarations can hardly be found in the need to analyze the Kronstadt episode of the civil war in retrospect, but in the desperate desire to find a reason for breaking with the Bolshevik tradition completely. The tragic experience of the international revolution's defeat led the initiators of this noisy discussion to rethink Marxist *historicism* as such. The object of the polemic that followed was not the concrete historical situation of March 1921 so much as the legitimacy of the October revolution's legacy in principle.
But was Kronstadt really a political alternative? Isn't this alternative actually something that was written into the myth post facto, constructed by the consciousness of another epoch? Pamphlets, memoirs, and eye-witness accounts only provide us with abstract slogans torn from the context of the direct class confrontation of the civil war, slogans of the "revolution's continuation", "Soviet without parties", or the battle against "commissariat sovereignty": shards and fragments of political ideas glued together to crotchety ideologies for two opposed camps that rose into existence and receded into oblivion.
The verdict of Kronstadt – if any such verdict is possible – can only be pronounced on the basis of an analysis of the general situation of Soviet Russia and its enemies, defined by its specific between village and city, the turn toward the NEP and the danger of "petit bourgeois passions", which the 10th Party Congress noted with brutal honesty. This kind of analysis needs to be based upon a method that rejects any kind of myth-making in principle. This means that the question of Kronstadt has a definitive political meaning as an attempt to withstand the "wrong", complex, and self-contradictory history of revolutionary dictatorship in Russia with a certain ideal variation of its development, which did not and could not actually take place. Perhaps this is the essence of its somewhat infantile attraction.

***Ilya Budraiskis** (born 1981) - historian and political activist - member of the socialist movement "Vpered", lives in Moscow*

1.

… Однако, с другой стороны, решение умственной задачи совершается почти таким же способом, каким собака, держащая в зубах палку, пытается пройти через узкую дверь: она мотает головой до тех пор, пока палка не пролезает, и точно так же поступаем мы, с той только разницей, что действуем не наобум, а уже примерно зная по опыту, как это делается.
Роберт Музиль, Человек без свойств

На первый взгляд может показаться, что описание когнитивного процесса, данное Робертом Музилем, имеет отношение к борьбе левых за лучшее общество. Но так ли это на самом деле? Действительно ли мы "уже примерно знаем по опыту, как это делается", когда собираемся изменить общество к лучшему? Этот вопрос особенно важен для осмысления исторического опыта Советского Союза, от его первоначального триумфа до итогового поражения. Процесс рефлексии был в свое время инициирован теми, кто оставался верен идеалам партии: именно они осмелились растревожить болезненные раны коммунистической истории, рискуя превратиться в глазах своих товарищей в предателей и изгоев. Особенно неприятно здесь то, что страстное желание советских марксистов переписать историю становления СССР оказалось в значительной степени губительным для попыток изучить подлинную историю.

Среди событий, характеризующих первые годы существования Советского Союза, одним из самых знаменательных было восстание моряков в Кронштадте – и его подавление большевистским правительством. По большому счету, это была последняя попытка Советов рабочих и солдат – надежды и опоры Октябрьской революции, тех, благодаря кому она победила – исправить положение, возникшее с захватом власти большевиками, и установить свою гегемонию. Недовольные отменой новых революционно-демократических институций, кронштадтские Советы обратили свой гнев против центральной власти большевиков. По их мнению, большевики "путем резкой пропаганды (…) заманивали сынов рабочего народа в ряды партии и сажали их там на цепь строжайшей дисциплины. Позднее, когда коммунисты почувствовали себя достаточно сильными, они стали сперва шаг за шагом исключать социалистов иного толка, и, в конце концов, отодвинули от руля власти самих рабочих и крестьян, продолжая, впрочем, руководить страной от их имени."

Однако Кронштадтский мятеж не только вскрыл глубокое недовольство авторитарной политикой большевиков, провозгласивших себя лидерами революции. С одной стороны, это действительно был кульминационный момент в череде митингов и забастовок, отвергающих усиленный контроль над экономикой, продразверстку и красный террор. С другой же стороны, мятеж подтвердил необходимость скорейшего перехода к Новой экономической политике (НЭПу). Непосредственно после него было принято решение о замещении революционной программы военного коммунизма рыночной либерализацией секторов сельского хозяйства и мелкого предпринимательства при сохранении контроля над самыми важными отраслями промышленности – добычей угля, железа, выработкой электричества. Совершенно очевидно, что меры эти были нацелены на усиление и укрепление власти, оказавшейся под угрозой в связи с ужасной продовольственной ситуацией в аграрной по преимуществу России.

Однако у НЭПа имелось также и глобальное измерение: еще в 1917 Ленин активно выступал против интернациональной социально-демократической идеи о том, что пролетарская революция осуществима лишь в капиталистически высокоразвитой стране. При этом он указывал на то, что в России, где капитализм был не развит, а государственная власть опиралась на добуржуазные структуры, шансы на революцию лишь возрастали. С тех пор, как " империалистическая цепь была прорвана в ее самом слабом звене", – утверждал Ленин – революция распространиться по всей Европе. Но как только стало ясно, что революция в Западной Европе провалилась, Ленин осознал: у Русской революции теперь только одна альтернатива – сдаться или перезимовать. Каутский прокомментировал эту дилемму следующим образом: "Наши большевистские товарищи все поставили на карту всеобщей Европейской революции. Когда же выпала иная масть, они вынуждены были идти путем, ставившим перед ними неразрешимые задачи" (Карл Каутский, «Диктатура пролетариата»).

Иными словами, ленинский практический волюнтаризм наткнулся на исторические преграды. Эти преграды он попытался сломать, напирая на то, что история – это якобы объективный процесс развития производительных сил. НЭП же был призван выполнить историческую миссию буржуазии, а именно – позволить производительным силам создать материальные предпосылки социализма. Согласно Ленину, буржуазия была уже не в состоянии справиться с этим заданием, т.к. давно уже погрязла в империалистическом беспутстве и разложении. Так, летом 1923 года Ленин пишет: "Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков этот определенный "уровень культуры", ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и Советского строя, двинуться догонять другие народы" (В.И. Ленин, «О нашей революции»).

В течение десятилетий эта точка зрения оставалась решающей для советской экономики. На протяжение 20-х – 30-х гг., начиная с периода НЭПа и далее во времена правления Сталина, Советский Союз пытался копировать развитие производительных сил, имевшее место на индустриализованном Западе, прибегая к метафоре инструмента, который надо грамотно использовать. По мере развития такой экономической политики становилось ясно, что непосредственная организация труда теперь сведется к тэйлористским техникам, основанным на дисциплине и рационализации и ориентированным на единственный критерий – высокую производительность. Другими словами, пролетариат опредмечивали, вместо того, чтобы ожидать полное упразднение пролетариата как класса в процессе его политической субъективации. Очевидно, требования кронштадтских матросов предвосхищали такое опредмечивание политической субъективности. Моряки в Кронштадте выступали против государства, они ратовали за передачу власти Советам и за собственное освобождение. Советы, говоря об освобождении, подразумевали именно процесс производства, а не некую внешнюю инстанцию. Процесс производства общества, форму и содержание труда, призванного обеспечить воспроизводство общества в целом – вот политическая арена конфликта между личностью и обществом, индивидуальным и социальным.

Для Ленина же освобождение личности было не более чем побочным продуктом освобождения производительных сил. В соответствии с этой точкой зрения Ленин перенес весь процесс развития исключительно на область объективного бытия, при этом сознание и интуицию отдельных людей он свел к пассивному отражению и элементарному воспроизводству этой самой объективной реальности. Так история оказывается не более чем подразделом теории природы, научные открытия которой приближаются к абсолютной истине в процессе эволюционного развития. А так как партия просто проводит в жизнь и выполняет законы природы, то и все ее действия обретают неоспоримое высоконаучное основание. Чистая теория может быть реализована в чистой практике, практике, основанной на применении открытых объективных законов. Таким образом ленинизм сводит праксис к административно-учредительному применению теоретических прозрений Партии. Как таковые, учреждения пролетарской революции оказываются излишни, а в худшем случае и вовсе контрреволюционны.

Илья Будрайтскис | «Народный фронт» Кронштадта

Разговор о Кронштадте сегодня, как и 70 лет назад, есть разговор исторический в подлинном смысле этого слова. Речь идет не о деталях, не о той или иной интерпретации конкретных фактов, а, по большому счету, о революции и революционной войне как таковой, о самом значении и логике Октября. Подавление Кронштадтского восстания прочно заняло свое место в «горячей десятке» моральных обвинений большевизму, наряду с «философским пароходом» и «деньгами германского генштаба».

Именно в этом пункте обвинительного приговора естественным образом сходятся анархисты и либералы, критики слева и справа, - образуя, по меткому выражению Троцкого, своеобразный «народный фронт», ставящий под вопрос состоятельность октябрьской революции. Для правых этот эпизод важен как факт открытого столкновения выходящих на финишную прямую к установлению тоталитаризма «комиссаров» с их недавней опорой - революционными матросами. Для анархистов Кронштадт – безвременно ушедшая в небытие «Атлантида» демократического социализма масс, поворотный пункт революции, после которого ее судьба оказалась уже окончательно предрешенной. Вопрос состоит в том, была ли возможность для исторического поворота, был ли Кронштадт действительной политической и социальной альтернативой?

Такая постановка вопроса родилась, разумеется, не в 1921 году. Она возникла со значимой исторической дистанцией - почти в двадцать лет. «Большевизация Коминтерна», подавление оппозиций в советской компартии, и, наконец, московские процессы конца 30-х поставили перед европейскими левыми проблему переосмысления постреволюционного строительства в России. Стремительный натиск фашизма, поражение рабочего движения склоняли абсолютное большинство к двум основным ответам: принять сталинизм как продолжение логики революции и социалистического строительства, или же признать большевистскую политику *изначально* порочной.

Дебаты о Кронштадтском восстании как историческом повороте от революции к диктатуре и созданию тоталитарного государства была открыты в 1938 г., как в либеральной эмигрантской прессе, так и в социалистическом спектре, включавшем в себя такие значимые фигуры, как Виктор Серж и Макс Истмен. Движущей силой этого выступления была отнюдь не попытка ретроспективного анализа кронштадского эпизода гражданской войны, но отчаянное желание найти обоснование своего полного разрыва с большевистской традицией. Это трагическое переживание поражения интернациональной революции приводило инициаторов шумной дискуссии к пересмотру марксистского *историзма* как такового. Предметом последующей полемики, таким образом, стала не столько конкретно историческая ситуация марта 1921года, сколько правомерность наследия Октября в принципе.

Но существовала ли действительная политическая альтернатива Кронштадта на самом деле? Не явилась ли она задним числом дописанной частью мифа, сконструированного сознанием другой эпохи? Листовки, мемуары, свидетельства доносят до нас лишь абстрактные, вырванные из контекста прямого классового столкновения гражданской войны лозунги «продолжения революции», «советов без коммунистов», борьбы с «коммисародержавием» - осколки, обрывки политических идей, причудливым образом складывавшихся в политические программы возникавших и погибавших враждующих лагерей. Политическая традиция потерпевших поражение классов распадалась на фрагменты - в условиях гражданской войны подобные лозунги в той или иной форме использовала большая часть противников большевизма.

Вердикт Кронштадту, – если таковой возможен, – может быть вынесен лишь на основе анализа общего положения Советской России и ее противников, определяющего специфику момента антагонизма между городом и деревней, поворота к НЭПу и опасности «мелкобуржуазной стихии», предельно честно зафиксированной на X съезде РКПб. В основе такого анализа должен лежать метод, чуждый любому мифотворчеству. А значит, и сам вопрос о Кронштадте имеет определяющее политические значение как попытка противопоставить "неправильной", сложной и противоречивой истории революционной диктатуры в России некий идеальный вариант развития событий, которого не было, да и быть не могло. Возможно, именно в этом и состоит его немного инфантильное притяжение.

***Илья Будрайтскис** (род. 1981 г.) - историк и политический активист, член социалистического движения "Вперед"*

Kritik and Praxis
is a group of political activists from Berlin. It was founded in January 2004, emerging from the dissolution of the Antifaschistische Aktion in Berlin at that time.
Kp-Berlin has its origins in the struggle against right-wing radicalism and racism in Germany, but advocates a reflexive, self-critical relationship to this struggle, setting the rising strength of nationalism in Germany into the context of the broader social struggle emerging today. Its interventions include both public manifestations at demonstrations or concerts, as well as publications and conferences on theory.
(For examples, see http://www.kommunismuskongress.de/ or http://www.kapitalismus-reloaded.de/ Nov. 2005).
Theses on the self-definition of the group Kritik und Praxis Berlin have been published at http://www.kp-berlin.de/.

2.
Kronstadt was so dangerous to Leninism because it called both the Bolshevik notion of the party as well as its claims to power into question. Its central demand – "All Power to the Soviets and not to the parties!" – destroyed the social myth according to which the Bolshevik state had placed power into the hands of the people. Any independent articulation of workers' demands through self-organized councils – and the demystifying, delegitimizing effect of this expression – represented no less of a danger than the military threat of revolt. Since the advent of scientific socialism meant that the proletariat need to conform to party-norms, the proletariat now had to prove that it was really revolutionary in conforming to the Party's decrees. For this reason, the Bolsheviks could not see their suppression of the Kronstadt Uprising as a betrayal of the working class; instead, the workers had betrayed themselves in rising against their "objective" interests, which were embodied by the Party. From this view, the singular proletarian did not only become meaningless in his real social praxis, but even interfered with the unity of the revolutionary will. This antagonism could only be smoothed out by a centralistic organizational principle from the top down (Lenin). Consequently, at the 10th Party Congress, held simultaneously to the Kronstadt Uprising, the Party voted to ban factions within its own ranks.
To Marx, writing 53 years earlier, such centralist principle of organization seemed highly suspect: "Were it [i.e. a centralist organization] possible — I declare it tout bonnement to be impossible — it would not be desirable." (Marx to J. Baptist von Schweizer 1868, http://www.marxists.org/archive/marx/works/1868/letters/68_10_13.htm)
Following this line, Rosa Luxemburg countered Lenin's demand for "democratic centralism" with the concept of "self-centralism": "[The proletarian movement] spreads and develops in accordance with the following dialectical contradiction. The proletarian army is recruited and becomes aware of its objectives in the course of the struggle itself. The activity of the party organization, the growth of the proletarians' awareness of the objectives of the struggle and the struggle itself, are not different things separated chronologically and mechanically, as in a Blanquist movement, but are only different aspects of the same process. On the one hand, putting the general principles of struggle aside, there do not exist for the Social Democracy detailed sets of tactics which a Central Committee can teach the party membership in the same way as troops are instructed in their training camps. On the other hand, the range of influence of the socialist party is constantly fluctuating with the ups and downs of the struggle in the course of which the organization is created and grows." For Luxemburg, organization is a process. She finds that "the Marxist version of socialism cannot be fixed by any rigid formula in any field, including that of the organizational question." (Rosa Luxemburg, Organizational Questions of the Russian Social Democracy, 1904, http://www.marxists.org/archive/luxemburg/1904/questions-rsd/ch01.htm). She sees a departure from obedience to authority – including the authority of one's own organization – as a necessary prerequisite to liberating the political subjects' organizational phantasy, dissolving the logic of alienation in the process.
This process-character seems to have realized itself in today's notion of the "multitude". This multitude claims to have adapted its non-hierarchical networks to the changed conditions of production under post-Fordism and to have drawn its lessons from the objectification of the proletarian subjectivity. It is the promise of a revolutionary subject that replaces the notion of class. The (un-)truth of the multitude lies in its ahistorical, eternal quality: as always, the position of the the oppressed in social whole predestines them to dispossession and exploitation, to the expropriation of their "natural" productivity. Since every singularity is part of this productive organism, it knows that it has been subjected to injustice by the very nature of its being. This philosophy now replaces the concrete analysis of the capitalist conditions of production.
Productivity replaces the notion of labor that traditional Marxism reifies, suggesting a comprehensive universal whole. However, this totality loses its contours as capitalism. Thus, the multitude fails to address the fact that productivity is no force of nature, but always appears as a social form, only becoming a dynamic leit-motif under capitalism. What does the theory of the multitude result in, other than a reanimation of the classical theory of exploitation, which sets its goal as the liberation of work and productivity, excluding the question as to the goal of work itself, thus cutting off the political subject as something that sets its own goals without dissolving in the principle of production? Production is sacrosanct. It is not called into question, but negotiated affirmatively as a counter-principle. All the subject needs to do is to appropriate production as property. The notion of exploitation itself remains indistinct, dissolving as a general feeling of moral expropriation. Labor-power as a product disappears with the mystifying expansion and valorization of the notion of productivity. The discontent with the historical revolutionary subject of the "working class" now makes way for its abnegation.

In reality, it seems obvious that the Taylorist rationalization of labor has not simply been displaced by the new economy, but continues to assert itself through the introduction of discipline to its flexible structure. At the same time, this process of rationalization is also pushed ahead by classical industrial production, which is often only relocated in terms of place. The multitude, however, does not speak of wage labor anymore: it is a youth movement that has subscribed to the pipedream of a post-industrial society in which there is nothing but immaterial labor. In this sense, it is no multitude at all, but a Eurocentric project that prevents any internationalist critique and organization. The multitude sees the traditional worker's movement as little more than an image of the outdated models of Fordism and Taylorism. This is not only insufficient on the level of social analysis, but also denies the fact that worker's movements have always understood themselves as counter-projects to Fordism, as an anticipation of its future, and of its dissolution. What remains is the singularity's struggle for recognition as a worker (e.g. the demand for adequate pay for domestic work, the recognition of art as labor etc.). The subordination of the individual to alien purposes through the existing production process is affirmed through the special praise of immaterial labor, while its ephemerality and flexibility are fused with ideology of self-sufficiency, self-engagement, decentralization, and mobility in order to stand up against the growing introduction of discipline to this sphere.
In correspondence to post-Fordism, the subject of the multitude is meant to diversify itself in social mobility. Yet, in mirroring this mobility, it relinquishes any chance of moving beyond the here-and-now. The new media – which are supposed to obey the principle of nonhierarchical networking – empower the multitude, the many, the crowd to form networks and affinities. But all too often, these linkages are based on formalistic acts that can be abandoned and replaced, depending on which part of the crowd the subject identifies with at a given moment. In this sense, the democratic, postmodern, hybrid, horizontal structure of such encounters is no longer anchored to the ground of politics, so that the multitude has rid itself of the necessity for legitimating its political goals. The multitude proclaims: "the final goal, no matter what it is, is nothing; the movement is everything." (Bernstein) Rosa Luxemburg countered this claim by pointing out that the final goal of the social democratic movement differs from that of the bourgeoisie. (But her claim was founded upon class-consciousness, upon whose historical guarantee one can no longer rely.) Struggle is fragmented, and the unity of the working class only constitutes itself in revolution. One could follow Luxemburg insofar as the unity of the subject is no prerequisite of leftist politics but is something that it only anticipates. Its realization is still tied to the final revolutionary goal.

«Критика и практика» – берлинская группа политических активистов. Основана в январе 2004 г., возникнув из распавшегося антифашистского движения Antifaschistische Aktion. Истоки группы – в борьбе с правым радикализмом и расизмом в Германии, но она выступает за рефлексивное, самокритичное отношение к этой борьбе, помещая набирающий в Германии силу национализм в более широкий контекст общественной борьбы. Группа организовывала как публичные выступления на демонстрациях и концертах, так и теоретические публикации и конференции (см. сайты http://www.kommunismuskongress.de/ и http://www.kapitalismus-reloaded.de/ Nov. 2005). Тезисы к самоопределению группы есть на сайте http://www.kp-berlin.de/.

2.

Для ленинизма Кронштадт был вдвойне опасен: он поставил под сомнение, во-первых, большевистское понимание партии, а во вторых, претензии этой последней на власть. Главное требование, звучавшее в ходе мятежа – “Вся власть Советам, а не партиям!” – разрушало социальный миф, согласно которому большевистское правительство передало власть в руки народа. Любая независимая артикуляция требований рабочих через само-организованные советы – а вместе с тем и демистифицирующий, делегитимизирующий эффект подобной артикуляции – представляли собой ничуть не меньшую опасность, чем угроза вооруженного восстания. Поскольку наступление научного социализма подразумевало, что пролетариат должен соответствовать партийным нормам, ему теперь предстояло доказать свою революционность, подчинившись декретам партии. По этой-то причине большевики и не могли рассматривать свое подавление Кронштадтского восстания как предательство рабочего класса. Как раз напротив: это рабочие предали сами себя, это они пошли против собственных «объективных» интересов, воплощенных в Партии. С этой точки зрения реальная социальная практика отдельно взятого пролетария утрачивала всякий смысл, более того, нарушала единство революционной воли. Этот антагонизм можно было смягчить только благодаря принципу четкой централизованной организации сверху вниз (Ленин). Именно поэтому на X съезде партии (он начал свою работу как раз, когда войска Тухачевского подавляли кронштадтский мятеж) было принято постановление о запрещении фракций внутри партии.

За пятьдесят три года до этого Маркс высказывал свои сомнения в отношении подобного централизованного способа организации: “если даже это [т.е. центристская организация] и возможно – а я полагаю, что это невозможно tout bonnement – то уж точно не желательно”. Продолжая эту линию, Роза Люксембург противопоставила ленинскому “демократическому централизму” понятие “само-централизма”: “[Пролетарское движение] распространяется и развивается в соответствии со следующими диалектическими противоречиями: армия пролетариата пополняется и осознает свои цели в ходе самой борьбы. Активность партийной организации, рост пролетарского осознания целей борьбы, да и сама борьба – это вовсе не различные явления, механически отделенные друг от друг во времени, как в бланкистском движении, но лишь разные аспекты одного и того же процесса. С одной стороны, если не брать общие принципы борьбы, для социал-демократов не существует какой-либо готовой, установленной и продуманной заранее тактики, которой Центральный Комитет мог бы обучить членов своей партии на манер того, как обучают новобранцев в военных лагерях. С другой стороны, уровень влияния социалистической партии постоянно колеблется из-за подъемов и затуханий борьбы, по ходу которой возникает и растет организация”. Для Розы Люксембург организация – это процесс. Она считает, что “марксистская версия социализма ни в чем не поддается строгой фиксации и формализации, – в том числе и в вопросах организации” (Роза Люксембург, «Вопросы организации русской социал-демократии», 1904). Главное условие высвобождения организационной фантазии политических субъектов, условие, которое позволит разрушить логику отчуждения, заключается для нее в следующем: необходимо перестать подчиняться авторитету, включая авторитет своей собственной организации. Этот процессуальный характер, похоже, реализуется сегодня в понятии «множеств». Эти множества заявляют, что приспособили свои неиерархические сети связей к изменившимся, пост-фордистским условиям производства и вынесли уроки из опредмечивания пролетарской субъективности. В них – обещание революционного субъекта, приходящего на смену понятию класса. (Не-)правда множеств заключается в их аисторичном, извечном характере: как всегда, положение угнетенных в обществе предопределяет их к отсутствию собственности и эксплуатации, экспроприации их «природной» продуктивности. Поскольку каждая личность является частью производственного организма, она знает, что была подчинена несправедливости самой природой своего бытия. Эта философия приходит сегодня на смену конкретному анализу капиталистических условий производства. Производительность приходит на смену понятию труда, разработанному марксизмом и подразумевающему представление о всеобъемлющем универсальном целом. Однако эта тотальность утрачивает свои капиталистические черты. Так, множества упускают из вида тот факт, что производительность – это не природная сила, она всегда проявляется как общественная форма, лишь при капитализме становясь динамическим лейтмотивом. В чем теория множеств находит свое завершение, как не в возрождении классической теории эксплуатации, которая ставит своей целью освобождение труда и производительности, за исключением вопроса о цели самого труда, тем самым исключая политического субъекта как того, кто ставит себе цели, не растворяясь при этом в закономерностях производства? Производство священно. Оно не ставится под вопрос, с ним заключают сделку как с контр-принципом. Все, что субъекту нужно сделать – это присвоить производство как собственность. Само понятие эксплуатации остается расплывчатым, растворяясь в общем чувстве моральной экспроприации. Труд как продукт исчезает вместе с мистифицирующим расширением и превознесением понятия производительности. Недовольство историческим революционным субъектом «рабочего класса» торит сегодня дорогу к отречению от него.

На самом деле, кажется очевидным, что не только новая экономика пришла на место тэйлористской рационализации труда, но что эта последняя продолжает утверждаться посредством внедрения дисциплины в свои гибкие структуры. В то же время, к рационализации понуждает и классическое индустриальное производство, которое зачастую перемещается лишь с точки зрения места. Но множества больше не говорят о наемном труде: это молодежное движение, грезящее о воздушных замках постиндустриального общества, в котором нет ничего, кроме нематериального труда. В этом смысле, это никакие не множества, а европоцентристский проект, не допускающий никакой интернациональной критики и организации. В традиционном рабочем движении множества видят не более чем устаревшие модели фордизма и тэйлоризма. Это не только неудовлетворительно на уровне общественного анализа, но и отрицает тот факт, что движения рабочих всегда понимали себя как проекты, противопоставляющие себя фордизму, как предвосхищение его будущего, его вымирания. Остается единоличная борьба за признание в качестве рабочего (т.е. требование соответствующей платы за работу по дому, за признание искусства трудом и так далее). Подчинение личности чужим целям через посредство существующего производственного процесса утверждается при помощи особого восхваления нематериального труда, в то время как его эфемерность и гибкость сливаются с идеологией самодостаточности, независимости, децентрализации и мобильности – для того, чтобы противиться нарастающему внедрению в эту сферу дисциплины.

В соответствии с пост-фордизмом, субъект множеств призван разносторонне развиваться в социальной мобильности. Однако, зеркально отражая эту мобильность, он теряет какой-либо шанс выйти за пределы «здесь и сейчас». Новые медиа – которые, как предполагается, подчиняются принципу неиерархической системы связей – наделяют полномочиями множества, многих, толпу образовывать системы связей и близости. Но слишком часто эти связи основаны на формальных действиях, от которых можно отказаться и которые можно заменить другими, в зависимости от того, с какой частью толпы отождествляет себя субъект в данный момент. В этом смысле демократическая, постмодернистская, гибридная, горизонтальная структура таких встреч и знакомств уже не укоренена в политике, так что множества избавлены от необходимости оправдывать свои политические цели. Множества провозглашают: «конечная цель, какая бы она ни была, – ничто; движение – всё» (Бернштейн). На что Роза Люксембург возразила: конечная цель социал-демократического движения отличается от конечной цели буржуазии. (Но ее утверждение основывалось на классовом сознании, на историческое поручительство которого более нельзя полагаться.) Борьба фрагментирована, и единство рабочего класса создается только в революции. Розе Люксембург можно следовать постольку, поскольку единство субъекта не является предпосылкой левой политики, но есть то, что эта политика предвосхищает. Претворение в жизнь этого единства по-прежнему связано с конечной революционной целью.

ПЛАН СОБЫТИ

Дельфина Рейст | Delphine Reist ///// инсталляции // installations

РАДАР | RADAR

Государственный исторический архитектурно-художественный музей города Кронштадта (ул. Ленинградская 2)

Инструменты | Tools

Якорная пл. 2 литер А (разрушенное здание рядом с резиденси)

Особенность установок, задуманных Дельфин Рейст, основана на кажущейся разобщенности предметов. Простая бочка катится и вот-вот наткнется (совершенно случайно, естественно...) на стены в том помещении, котором она помещена. В автомобилях отсутствуют водители, пустые магазинные тележки толпятся в одиночестве, забытые покупателями. Возникают мысли о метле ученика чародея, и не понятно, что это – фарс или наваждение, насмешка или кривляние. Исключение человеческого фактора и выдвижение на первый план осиротевших машин не позиционируется тем не менее как пессимистичная фантастика. Машины у Дельфин Рейст – такие непонятные штуковины (примеч. - игра слов: machines-machins) с ограниченным набором функций, наделенные невыразительными человеческими чертами. Неудачи, повторы, неловкость сближают их с господами Сонж, Бартэльби, Малон, Бардаму и всеми прочими неудачниками, безымянными и известными, которым не дает покоя литература или повседневная жизнь, слабовольные, маньяки, несчастные разного рода, которые не могут или отказываются идти в ногу со временем и модой, которые сели на мель или потерпели неудачу (примеч. - игра слов: s'echouer-echouer). (…)Она организует постановки и мизансцены разного рода – грустные и веселые одновременно, но всегда оставляющие светлое впечатление и заслуживающие высоких оценок публики, прессы и критиков. (Эрве Лоран 2004)

Николай Олейников | Nikolay Oleynikov
Спящие в Кронштадте | Sleepers in Kronstadt

графические работы в городском пространстве / posters interventions in the city

Глядя на архипелаг Кронштадт или на район Сормово сегодня, невольно задаюсь вопросом: где те люди, сумевшие преодолеть в себе привычку к тихой, пусть совсем не благополучной и совсем не справедливой жизни. Люди, сумевшие подняться на восстание против причин несправедливости, за нечто большее, чем просто относительное спокойствие? Ну хорошо – те люди, ставшие героями, мертвы. Тогда где их потомки, хранящие благодарную память о ненапрасно ушедших? Почему так пусто и тихо на улицах? Жизнь действительно стала намного справедливее? Врядли. Подвиг не был напрасным, но одна ложь уже сменила другую.
Тогда что с ними? Они в коме? Тогда какой недуг поразил их? Это вязко-мучнистое довольство призраком частного благополучия? Это морок почти стабильности? Горячка почти сытости?
Они спят? Тогда что это за сон? Сон об изобильных прилавках? Или все-таки мечта о полноценной справедливой счастливой жизни?

Лорана Фолона | Laurent Faulon / инсталляции // installations
Шторм / Storm

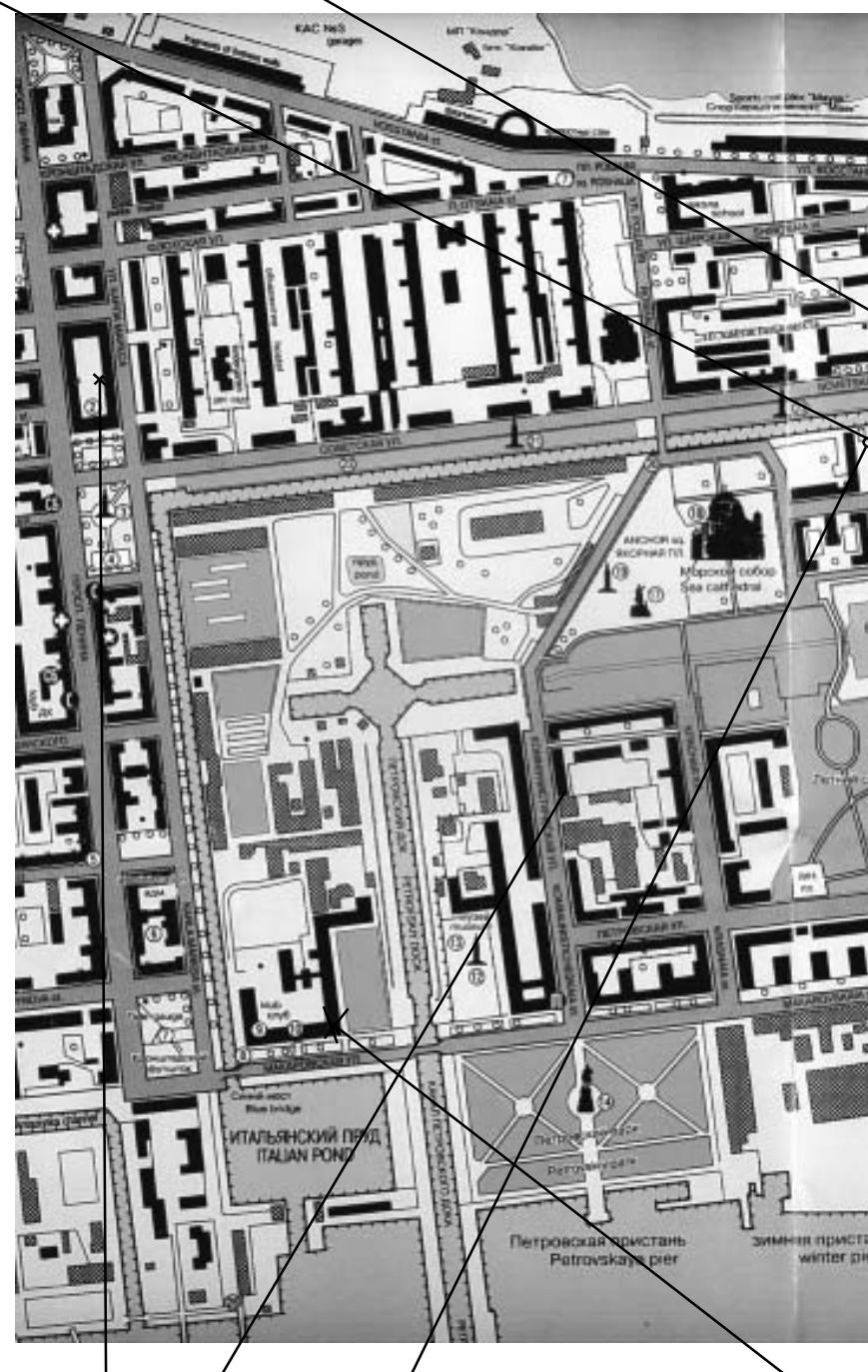
Государственный исторический архитектурно-художественный музей города Кронштадта (ул.Коммунистическая 16)

В зале исторического музея - шторм в миниатюре - в небольших пластиковых ёмкостях, он пыжится выразить почтение восстанию моряков-анархистов в 1921 году.
Естественно для выражения почтения это кажется недостаточным, таким же недостаточным, какой кажется жизнь рядом с возлагаемыми на неё надеждами, иллюзиями и человеческими амбициями. Но если бы взгляд мог стать острее при погружении в созерцание этих ничтожных колебаний грязной воды, пронизывающий человеческий взгляд нашёл бы, возможно, в смешении красоты и ничтожества нашего существования, мужество в том, чтобы остаться, просто остаться, приняв решение всё остановить.

Неудавшаяся карьера | Broken Career

Якорная пл. 2 литер А (разрушенное здание рядом с резиденси)

После того, как он вошёл в десятку сильнейших всего мира, Лоран Фолон видит, что его карьера разбита из-за недостатка боевого духа. Изменив тактику, в этом спортивном состязании, он надеется вновь завоевать потерянное положение.



Музыка | Music

Жером Нотингер / J. Noetinger

концерт в Матросский клуб / concert at Sailors Club (ул.Макаровская 3)

Музыкант из Франции Жером Нотингер создаёт реалистичную музыку. Он работает на сцене с электро-акустическими механизмами, в том числе с кассетными аудиомагнетофонами, микшерским пунктом, аналоговыми синтезаторами, электронными устройствами, микрофонами и громкоговорителями. При исполнение своих произведений на сцене музыкант, обращаясь к импровизации, использует воспроизведение записей звуков окружающей среды. Жером Нотингер является создателем такого музыкального лейбла как *«Метамкин»,* а также входит в редакционный комитет выходящего раз в три месяца журнала *«Ревю и кориже»,* посвященного новой экспериментальной музыке.

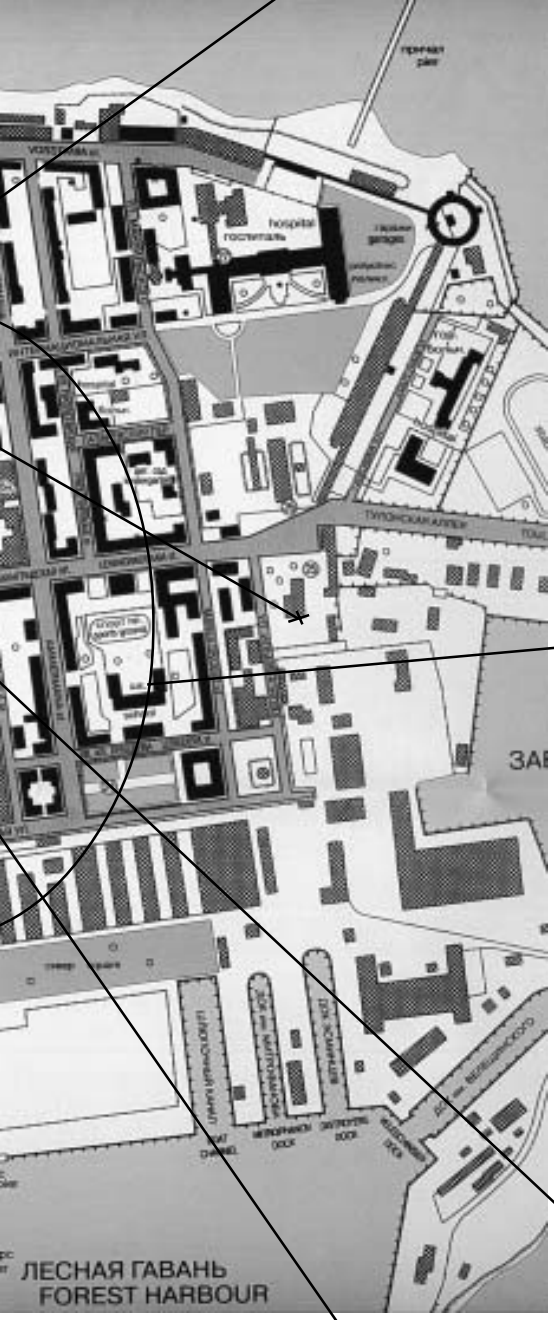
Жора Багдасаров | Jora Bagdasarov
Концерт / Concert "Cooking Misic"

Гостинный двор /// Gostinji Dvor

Инсталляция / installation "Wasser Fehler ver. 3.0"

Якорная пл. 2 литер А

Основной тенденции в возникновении современного аудио потока является производство звуков, упорядочивание их в систему. Музыкальная активность обозначается термином продюсирование – то есть производство звуков. Мне же более интересно не производить звуки (produce), а играть (play). Основным инструментом для этого является ошибка (error/fehler), то есть игра как таковая заключена в создании ошибок и использовании уже существующих. (хорошая царапина на компакт диске превращает его из безотказно работающего пылесоса в самостоятельный музыкальный организм.) Акустическое свойство любого пространства тоже далеко от идеала, то есть является преградой или ошибкой на пути звука, а значит для меня становиться инструментом. Но и сам звук в этом пространстве лишний ошибочный артефакт. Поэтому интересно играть с этим пространством. Результат взаимодействия всего этого каждый раз индивидуальный и не зависит ни от кого, в том числе от исполнителя. Плохой или хороший, по крайней мере музыка перестает быть безотказно работающим пылесосом.



События | Other Events

работ художников - участников проекта
ogramm with the works of artists
f the festival

ественная школа им. Аникушина
) / Children Art School (pr Lenina 57)

ы / on view:
on: “My Stars”, “Green Margarin”, 2001
“Мои Звезды”, “Зеленый Маргарин”
st: Supermarket, 2001
ст: СуперМаркет, 2001
йденных Одежд: Трилогия, 2002
d Clothes, Trilogy, 2002
иленский, Конвейер, 2003
а Капитализму”, 2005
y, Production Line, 2003
o Capitalism”, 2005

ему “Как начинается политика?

нам напомнил каким-то неуловимым образом
города в произведениях А.Грина.
Часть первая: 10 девушек работниц шьют Алые паруса. Камера показывает лица девушек и крупные детали машин. Взаимодействие материи и машины одна из тем в фильме. Состояние ожидания, скрытого напряжения, настороженности. Идет работа по изготовлению мечты. Лица девушек серьезные и сосредоточенные. Это передается также звуком : звуки машинок, шорохи. В механизмах машин есть что-то эротическое, чувственное. Звук машин нарастает.
Часть вторая: Входят 5 пожилых женщин. Вид у них решительный, глаза горят. Они
Становятся посередине комнаты. Камера показывает лица девушек, на них видна н
“усмешка Хичкока”. Крупный план :ножницы режут материю. Женщины начинают п
“Ребята надо верить в чудеса...” (Вариант голоса становятся молодыми в конце как б
внутри них поют девушки).
Внезапно женщины бросаются к девушкам и начинают отнимать у них Алые паруса .З
Женщины неистовствуют. Слышны крики и стоны. Возможно музыка Шостакови
фильмах Эйзенштейна. Затем все стихает.

Дмитрий Виленский | Dmitry Vilensky
Хвала Диалектике | Praise of Dialectic // Стихи Б. Брехта / Lyric

текст в городском пространстве / graphic interventions
размещены в отмеченном районе / located at the mark

Работа Дмитрия Виленского заключается в текстовой графической интервенции в городское пространство. Основой для этой работы стало стихотворение Бертольда Брехта «Хвала Диалектики». В работе оригинальный текст стихотворения разбит на 16 фрагментов которые размещены по городу. Их нахождение и следование по пути на котором они размещены оказывается одним из видов психо-географического исследования городской среды.
Также важно отметить, что плакатно-агитационный характер поэзии Брехта оказывается важным элементом работы, позволяя напрямую обращаться непосредственно к жителям, остро касаясь современной политической ситуации.

**Кто посмеет сказать «н
Кто в ответе за то, что
живуче? Мы.
Кто в ответе за то,
чтобы сбросить его? То
Ты проиграл? Борись.
Побежденный сегодня
станет завтра.
Если свое положение т
разве можешь
ты с ним примириться?
И «Никогда»
превратится в «Сегодня**

Кирилл Шувалов / Kirill Shuvalov
звуковая инсталляция “Ассоль” / sound installati
Якорная пл. 2 литер А (разрушенное здание рядом с

инсталляция представляет собой пожарный щ
напоминающий алтарь неизвестного культа,
перед ним для созерцания и медитации и рабо
радиоприемник, закрепленный в центре щита
Звучит песня “Алые Паруса”

Виталий Пушницкий | Vitaly Pushnitsky
инсталляция «Посвящается Ньютону» / installation “Dedicated
Якорная пл. 2 литер А (разрушенное здание рядом с

Виталий Пушницкий выбрал для своей инсталляции полуразрушенное здание возле резиденции ГЦСИ. Окна помещения затянуты темной тканью, подвешенные под потолком лампы дневного света освещают натянутые в пространстве нити, образующие стереометрические фигуры. На полу -

К вопросу о само-организации в искусстве | диалог группы САТ и Дмитрия Виленского

Группа САТ была основана в 2003 году в Новосибирске Екатериной Дробышевой - социологом, Максимом Неродой – художником и Артемом Лоскутовым - политическим активистом. Стала известна благодаря организации целого ряда акции в городском пространстве:
“Монстрация” (2004, 2005) – выход на Первомайскую демонстрацию с абсурдисткими лозунгами и плакатами.
“Учиться, Учиться и еще раз Учиться” (2004) – уличная вечеринка в защиту бесплатного образования, проведенная у памятника Ленина.
“Свобода, Равенство, Пиратство” (2004) – блокирование рекламной акции по обмену и уничтожения пиратской продукции.
полная информация на сайте www.monstration.narod.ru

Диагноз:
Сегодня в России мы наблюдаем полную неспособность сложившейся системы власти предложить хоть какую-то культурную политику и политику вообще.
При этом обществу постоянно навязываются химеры необходимости единства с властью. Для этих целей постоянно изобретаются/демонизируются образ некого внешнего и внутреннего врага – будь то терроризм, оранжевые революции, агрессивная политика Америки, направленная на порабощение и расчленение нашей страны и т.д. Все это происходит на фоне все более массового понимания, что власть является отчужденной от народа деятельностью по своей структуре, скорее напоминающая Организованную Преступную Группировку (ОПГ), заинтересованную лишь в сохранении своих позиции, которые гарантируют огромные финансовые доходы при обслуживании чьих-то бизнес интересов. Интересы развития общества оказываются для неё неким досадным недоразумением, которые следует учитывать лишь в момент покупки голосов избирателей, перед очередными выборами. Если же принять во внимание, что огромный и, все возрастающий, процент населения либо не участвует в выборах, либо голосует против представителей власти, то становиться совсем непонятным от лица кого продолжает выступать эта власть.

Ситуация в культуре:
Бездарность и открытая коррумпированность чиновников культуры, их откровенная сервильность по отношению к власти/капиталу и новой потребительской публике (главный принцип деятельности – “чего изволите?”) оказали более разрушающее воздействие на коллапс культурного производства, чем катастрофическое отсутствие методически разворовываемых средств. Культ “откатов” и экономики “освоения-растраты” отпускаемых неважно кем средств стали нормой - это публично признал сам министр культуры. В этой атмосфере возникла новая официозная культура – гибрид дизайна общественных пространств и гостиных. Да и сама оппозиция публичное – частное уже почти снята – все стало в равной степени гомогенно приватизированным, подчинившись интересам новых собственников под охраной огромной армии ментов. Приватизированный парк развлечений – вот новое имя для культуры – ставшей сферой поощрения слабоумия разрастающегося на нефте-долларах нового класса самодовольных и агрессивных потребителей.
Как показал опыт не только России, но и многих других стран периферийного капитализма (Московская Биеннале, открытие Музея Современного Искусства в Бухаресте и др.) спорадическое вмешательство глобального арт-мира в локальные ситуации, призываемого с целью доказать (интересный вопрос кому?), что все протекает “нормально-демократически”, только усугубляет дезориентацию. Образующийся монструозный альянс местной бюрократии и гастролирующих международных звезд-функционеров, наглядно демонстрирует весь цинизм происходящего. Всех призывают мобилизоваться вокруг строительства очередной глобальной потемкинской деревни – под лозунгом “минимум анализа – максимум “движухи”, и собственно забыть, что за наспех сколоченным забором происходит совсем другая жизнь.

Времена реакции и надежда:
В подобной ситуации большинство художников и деятелей культуры оказались отстранены от любых элементарных механизмов принятия решений и обречены на нищенское существование. Их дезориентация оказалась прямым следствием процессов происходящих в реальной политике. В тоже время отсутствие всякого политического сознания, высокая степень конформизма и соблазненность “бесконечными возможностями рынка” сыграли свою реакционную роль. Но сегодня уже все большему количеству людей становиться очевидно, что мы живем во времена реакции и нет надежды, что все измениться к лучшему само по себе. Ни для тебя лично, ни для общества. Конечно же, изменения будут – мир вокруг примет еще более уродливые формы, если мы не сможем сами организовывать свою деятельность. То есть вопрос о само-организации становиться центральным вопросом политической жизни и культурного производства.

Время реакции – это всегда и время надежды, тем более *пока* еще многие возможности остаются открытыми и находятся в нашем распоряжении – главный вопрос как мы их задействуем.
(ДВ)

“… каждое наше действие уже ожидается системой товарного производства жизни, с самого рождения продуманы все наши возможные желания и потребности. Мы учимся, чтобы потом окупить свое образование, мы чувствуем, что Билайн открыл новый тариф для двоих. Наше тело двигается как того захочет начальник. Наша история уже распродана как уцененный товар. Нам сняться Бенетон и МТС. Мы монстры товарной культуры. 1-ого Мая показываем сеьбя такими как мы есть и требуем невозможного”.

из манифеста “Монстрации”

“Подмена авангардных претензий создавать и определять жизнь во всех ее проявлениях на постоянную новизну – гонка вооружений общества товарного перепроизводства – определяет социальный заказ современного искусства. Высокоразвитое общество нуждается нуждается в духовных ценностях, утвержающих его реальность, в постоянных оболочках консервативного уклада жизни. Однако эта реальность устраивает не всех и авангард никогда не определялся новизной сделанного. Мы собираемся создавать собственную реальность, невозможную в системе товарного обмена.”

Максим Нерода, Культурное Насилие

Вопросы:
ДВ: *Возможен ли пере-захват (reclaim) публичного пространства и пространства информационных медиа? Или же наиболее перспективной тактикой является НЕ внедрение в уже существующие структуры, а создание других публичных пространств –фэнзинов, выставочных мест, акций и интервенций в пространство города и культурных институций? Но, должны ли мы при этом удовлетвориться лишь отстаиванием ограниченных суб-культурных зон, и мнимой независимости культурного производства или же имеет смысл переходить в атаку – постоянно дискредитируя проекты власти – публично демонстрируя их несостоятельность и вред для всего общества?*
САТ: Как возможно создание коммуникационного пространства за рамками установленных правил? Пространства или скорее неожиданного прорыва, бреши, возникающей в системе уже сложившихся отношений, закрепленных традицией, нормами, санкциями.
Существующий сегодня запрет на коллективное действие в любом пространстве, которое власть рассматривает, как публичное формирует субкультурную логику: возможность создания альтернативных ценностей только в рамках определенной субкультуры, априори несущей печать маргинальности и формат клуба по интересам. Свобода мысли и действия признается только на словах, и любое высказывание не соответствующее курсу власти признается неистинным и обречено на реализацию только в подвалах. Необходимость в коллективном проживании действительности реализуется в рамках такого запрета в виде многочисленных досуговых практик - флэш-моб, граффити, клубная культура и пр. являющихся своего рода эскапизмом, отказом от необходимости радикального осмысления действительности и представляет фиктивную автономию культуры.
Как можно выйти за рамки самодостаточной автономии?
За счет создании художественных групп, способных совместно работать над производством ситуаций в различных публичных пространствах, в том числе и тех, которые контролируются властью. При этом для нас прежде всего было важно создавать такие ситуации, которые обнажают абсурд существующего порядка. Искусство способно показывать широким кругам думающего общества скрытые принципы осуществления власти, создавая и подготавливая, таким образом, смарт-моб, т.е. умную толпу.
ДВ: *Какие у нас есть возможности для обращения к иной социальной-классовой аудитории, чем это принято в данном месте. Как мобилизовать публику обрести саму себя, как нового политического субъекта - сделать ее со-автором, участником дискуссии и совместного действия?*
САТ: В своей работе мы отводили решающую роль относительно новой для Новосибирска социальной группе, прежде всего молодежи разных творческих профессий. Сегодня формируется новый пролетариат, обладающий своими средствами производства (компьютер, видео камера и пр.) и продающий результаты своего труда, а не саму трудовую силу. Поэтому мы ориентировались на эту все возрастающую группу дизайнеров, менеджеров, радиоведущих, журналистов - людей, занимающихся интеллектуальным трудом, обозначив её, как политический субъект. Пока эти люди не способны оценить свой политический потенциал и общность интересов. Но нам кажется и это показывает опыт наших акций, что именно они, в силу специфики своего положения в обществе готовы стать их главными участниками и активно включиться в выработку нового политического языка для выражения своих интересов. Они способны к отказу от самодостаточной системы ценностей субкультуры и к переходу к принципиально иным принципам коммуникации.
Мобилизация становится возможной при организации, например, акций в публичных пространствах, в которых каждый участник становится их активным создателем.
Эти акции актуализируют прежде всего смысл коллективного действия, провоцируя власть на действия, выявляющие её скрытую репрессивную сущность.
ДВ: *Способна ли само-организация художников и работников культуры стать моделью общества, способного, независимо формулировать и воплощать свои цели, беря на себя функции альтернативной власти, оказывающей давление на реальную власть и открытую для взаимодействия с обществом?*
Самоорганизация людей возникает из-за отчужденности от результатов своего труда, который постоянно присваивается посредниками, хозяевами и теми же институциями и полной невозможностью хоть на что-то влиять в политической жизни. Основной нашей интенцией было определение возможностей коммуникации и формирование своего пространства вне рамок культурных институций, поскольку они у нас воплощают антигуманистическую, корпоративную модель организации общества. Объединение вне их рамок является сегодня единственно возможным способом политического противостояния существующей власти. Однако искусство не занимается практическим осуществлением социального устройства общества – оно формулирует возможности создания радикально иного общества.
Оказывать на власть давление возможно только создавая открытое саморасширяющееся коммуникационное пространство, которое принципиально отличается от закрытого иерархического пространства власти. Целью инициированной нами коммуникации стала дискуссия в открытой городской среде – прямой действие в ответ на прямую претензию власти на истину. Только так мы можем стремиться повлиять на баланс сил между властью и контр-властью - сетевая коммуникация групп и индивидов, которая предполагает отсутствие иерархии может рассматриваться как эксперимент и событие, выпадающее из системы современного искусства, а в идеале должно привести ее к разрушению.
ДВ: *Какова роль в современном искусстве стратегий DIY (do it yourself – сделай сам – термин обозначающий, прежде всего, независимое от музыкальных корпораций производство и распространение музыки молодых групп)? Какова их специфика в искусстве?*
САТ: Собственно методы Флэш-моба, которые мы активно задействовали в своей деятельности можно интерпретировать как новую практику do it yourself. В отличии от флэш-моба, когда все роли, поведение и жесты участников определены его организаторами, наша модель организации акций была построена на предоставлении максимальной инициативы самим участникам. Мы только в приглашении определяли несколько базовых условий их проведения – к примеру: “пусть каждый желающий сделает лозунг не имеющий никакого смысла”, как это было в “Монстрации”. Весь проект политизации флэш-моб акций был задуман как художественная стратегия, которая возможна только при условии, что каждый участник делает все сам. В том смысле, каждый человек воспринимается как художник и единственным видом творчества, доступным всем является создание своей собственной истории, а не пассивное ее проживание.

CAT Group and Dmitry Vilensky | On the Question of Self-Organization in the Arts

The CAT group was founded in Novosibirsk in 2003 by the sociologist Ekaterina Drobysheva, the artist Maxim Neroda, and the political activist Artem Loskutov. The group became known through the organization of an entire series of actions in urban space.These include “Monstration” (2004-2005), an intervention in a Mayday demonstration with absurdist slogans and posters, “Study, Study, and Study Again” (2004), a street-party in defense of free education, which took around a monument to Lenin, or “Freedom, Equality, Piracy” (2004), the blocking of advertising campaigns by circulating and destroying pirate productions. For more information, see www.monstration.narod.ru

Diagnosis:
In contemporary Russia, the existent system of power seems totally incapable of formulating or realizing any consistent cultural policy, just it seems unable to formulate any coherent policy on the whole. Nevertheless, it constantly imposes the chimera of the necessity for unity with the state. In order to do so, it continuously promotes and demonizes the image of a certain outer or inner enemy, be it terrorism, orange revolution, or the aggression of U.S. foreign policy, geared toward conquering and dividing our country etc. All of this takes place against the realization – growing more and more massive – that the state is a reality of its own right, alienated from the people, more and more reminiscent of a criminal organization who bosses are interested in nothing but holding on to their present positions, since these position guarantee huge financial profits for catering to someone else’s business interests. To this state, the interests of society’s development seem like some vexatious misunderstanding, only to be taken into consideration when buying electoral votes in yet another carded election. If one directs one’s attention to the fact that a huge, constantly growing percentage of the population either votes against the representatives of power or doesn’t vote at all, it becomes completely incomprehensible in whose name this power continues to function.

The situation in culture:
The mediocrity and open corruption of cultural officials, their obvious servility toward both power/capital and the new consumer-audience (based on the principle of “what would you care for?”) has had an even more disasterous effect on the collapse of cultural production that the catastrophic lack of funding, which is stolen systematically. The cult of kickbacks and the economy of “absorption and embezzlement” have become the norm: this is something that even Russia’s Minister of Culture has acknowledged in public. This atmosphere has given rise to a new official culture, a design-hybrid for public spaces and living-rooms. In fact, the opposition between the “public” and the “private” has almost been lifted completely: everything has been privatized to an equal measure, subordinate to its new owner’s interests and under guard by a huge army of cops. A privatized amusement park: this is the new name of contemporary culture, once it has been become a sphere in which weak-mindedness is not only tolerated but actually encouraged, growing fat on the oil-dollar of a self-satisfied, aggressive class of new consumers.
As not only recent experiences in Russia but also in other countries of peripheral capitalism have shown (the Moscow Biennale or the opening of the Museum of Contemporary Art in Bucharest), the sporadic intervention of the global art scene into local situations – called into being with the goal of proving (interesting question, to whom?) that everything is following “normal democratic procedures” – only serve to magnify the disorientation. The ensuing alliance between the local bureaucracy and international star-functionaries on tour is monstrous, compactly demonstrating the entire cynicism of the events as they transpire. Everyone is called upon to mobilize their forces as quickly as possible to build yet another global Potemkin’s village under the slogan “A minimum of analysis, a maximum of events”, and asked to forget that some completely other life lies elsewhere, beyond the picket fence that is being nailed together so hastily.

Times of Reaction and Hope:
In this situation, the majority of artists and cultural producers find themselves cut off from the most elementary mechanisms of decision-making, destined to an existence in poverty. Their disorientation is a direct consequence of process that are taking place in real politics. At the same time, the absence of any kind of political consciousness, the high level of conformism and susceptibility to the seduction offered by “the market’s endless possibilities” have played their reactionary role. But by today, more and more people are coming to realize that we are living in a reactionary time: there is no hope that things will change for the better on their own, not for you personally, and not for society at large. Of course, there will be changes: the world that surrounds us will take on more and more monstrous forms if we aren’t able to organize our activities. In other words, the question of *self-organization* becomes the central question of political life and cultural production, all the more because we *still* have many open possibilities at our disposal.
D.V.

“…The system of the commodity production encompasses all of life; anticipating each and every one of our movements, it considers all of our potential needs and desires from cradle to grave. We go to school in order to pay for our education, we fall in love because our local mobile phone company has opened up a new tariff for two. Our bodies move according to the wants and needs of our boss. Our history has already been sold off like a cut-price article. We dream of Benneton and MTS. We are monsters of commodity culture. On Mayday, we will show ourselves as what we are; we will demand the impossible.”

From the “Monstration” Manifesto

“…constant novelty – the race of armed societies based on the overproduction of goods – defines the social demand that contemporary art is meant to satisfy. A highly developed society is in need of intellectual values that confirm its reality, leading to the constant production of new package-deals, conservative reinforcements of its lifestyle. However, this reality doesn’t satisfy everyone. The avant-garde has never defined itself through the novelty of its achievements alone. We plan to create our own reality, a reality that is impossible in the system of commodity exchange.”

Maxim Neroda, “Cultural Violence”

Questions:

DV: *Is it possible to reclaim public spaces and the spaces of the information media? Or is the tactic with the most potential not the infiltration of existing structures, but the invention of new public spaces – fanzines, exhibition-venues, actions, and interventions into urban space and cultural institutions? And should we rest satisfied, once we have asserted the rights of limited sub-cultural zones and the seeming independence of cultural production, or does it make sense to take the offensive by constantly discrediting the projects of power, publicly demonstrating their bankruptcy and idiocy?*

CAT: How is it possible to create a space for communication beyond the established rules? By capturing spaces, or to be more precise, unexpected ruptures and breaks that arise within a system of relationships whose traditions, norms and sanctions are already firmly entrenched.
Today’s ban on collective action in any space that the state sees as public gives rise to a new form of subcultural logic: it is only possible to create alternative values in the framework of a certain sub-culture that is stamped off as marginal a priori, relegated to the format of a membership club. The freedom of thought and action is only granted in word, and any statement that doesn’t correspond to the course of power is declared to be untrue, fated to realization in no place other than the underground. In the framework of such prohibition, the necessity for a collective experience of reality is realized through a large variety of recreational activities, such as flash-mobs, graffitti, club-culture etc. – which are forms of escapsism, refusing any radical conceptualization of reality and representing a fictional autonomy of culture.
How can one get beyond the boundaries of self-sufficient autonomy?
By forming artistic groups capable of collaborating in producing situations in various public spaces, including those under control by power. For us, it was important to create situations that reveal the absurdity of the present order of things. Art is capable of reaching society at large, demonstrating the hidden principles through which power is implemented, creating and preparing a smart mob, i.e. an intelligent crowd.

DV: *Which possibilities do we have for addressing a public that differs from the traditional audience radically in terms of its social origin or class composition?How can one mobilize this public to understand itself as a new political subject, empowering it as a co-author or an interlocutor in discussions and action undertaken in common?*

CAT: Our work allots a decisive role to a social group new to Novosibirsk, namely young creative professionals. Today, a new proletariat is in the process of forming, even if this proletariat now owns its means of production (computers, video-cameras etc.) and sells the results of its labor and not its labor-force. Our work designates this constantly growing group, which includes designers, managers, radio-hosts, and journalists – people engaged in intellectual labor – as its primary political subject. For now, these people are not yet capable of gauging their own political potential or recognizing their common interests. But to us, it seems – and this is something the experience gathered in our actions confirms – that it is this group that is ready to take an active part in developing a new political language to express its interests. These people are capable of rejecting the self-sufficient systems of subcultural values and turning to forms of communication that bear a principal meaning to them.
Mobilization become possible through organization. Take, for an example, actions in public space, in which each participant becomes an active co-creator. First and foremost, these happenings actualize the sense of collective actions, provoking power into action, bringing its hidden repressive essence to the forefront.

DV: *Is the self-organization of artists and cultural producers capable of becoming a model for a society that is able to formulate and realize its goals independently from power? Can it take over the functions of an alternate power, applying pressure to real power and remaining open to interaction with society at the same time?*

CAT: Self-organization arises due to alienation from the results of one’s labor, which is constantly appropriated by mediators, bosses, and institutions. It is also the result of the complete impossibility of affecting political life. Our primary intention has been to explore the possibilities of communication and forming our own space outside of the framework of cultural institutions, because they embody the anti-humanist, corporate model for organizing society. Today, association beyond their dehumanizing boundaries is the only possible means of political resistance to the powers that be. However, art is not directly concerned with constructing society’s relations in practical terms; instead, it formulates the possibilities for creating a society that is radically different from what we face today. It is only possible to apply pressure to establish self-expanding communicative spaces, which are different from the closed, hierarchical space of power in principle. The goal of the communication that we have initiated leads to discussion in open urban spaces: a direct action as an answer to power’s direct pretense to the truth. It is only in this way that we can attempt to influence the balance between power and counter-power: communication through networks of groups and individuals which assume an absence of hierarchy can be understood as an experiment and an event that falls beyond the scope of the system of contemporary art, leading to its destruction in the ideal.

DV: *Which role do DIY strategies play in contemporary art? What is their specificity?*

CAT: Actually, the methods behind creating flash-mobs can be interpreted as a new set of DIY practices. We have worked with these practices extensively. In contrast to the traditional flash-mob, in which all roles, behaviors and gestures are defined by its organizers, our model of organizing actions was based upon the idea of allowing the participants to take a maximum of initiative. Our invitations only defined a number of basic conditions for their execution and little more, for an example: “Everyone who wants to should make a slogan that is completely meaningless”, as in “Monstration”, for an example. The entire project of politicizing the flash-mob was invented as an artistic strategy that is only possible if each participant does everything him- or herself. In this sense, the main message that we meant to convey through our actions was that each person can be perceived as an artist, but that the only kind of creativity accessible to everyone is to create their own history, instead of living it out in passivity.

Джон Холлоуэй: Тезисы к Социальному Форуму в Порто Алегре

1. Возможно, мы и можем изменить мир, не прибегая к захвату власти. А возможно и нет. Исходный пункт – думаю, для всех нас – неуверенность, неизвестность, общий поиск пути дальнейшего продвижения.

2. Мы ищем этот путь, т.к. все более отчетливо понимаем, что капитализм – это катастрофа для человечества. Радикальное изменение общественного устройства, т.е. революция, необходимо сейчас как никогда. И, чтобы стать эффективной, эта революция должна охватить весь мир.

3. Однако вряд ли мировую революцию возможно совершить одним махом. Это означает, что единственный способ понимания революции – это представить ее как революцию "щелистую", происходящую в "щелях" капитализма, революцию, которая захватывает мировые пространства, несмотря на все еще существующий капитализм. Вопрос в том, что именно следует понимать под этими "щелями", рассматривать ли их в качестве государств или в каком-то ином ключе.

4. В своих размышлениях мы должны отталкиваться от той точки, в которой находимся, от многочисленных восстаний и актов неподчинения, приведших нас в Порто Аллегро. В мире постоянно происходят подобные восстания, многие люди готовы сказать "НЕТ" капитализму: "Нет, мы не согласны проживать наши жизни в соответствии с предписаниями капитализма, мы будем делать то, что сами сочтем нужным и желательным, а не то, что нам велит делать капитал". Иногда нам кажется, что капитализм – это всеохватывающая система господства; мы упускаем из виду, что такие восстания вспыхивают повсеместно. Порою они настолько крохотны, что даже сами участники не видят в них отказа от капитализма. Однако нередко эти восстания представляют собой коллективные проекты, нацеленные на поиск альтернативного пути; а иногда они разгораются до масштабов Lacandon Jungle или "Аргентиназо"1 трехлетней давности, или же бунта в Боливии, имевшего место год назад. Отличительная черта всех этих актов неподчинения – стремление к самоопределению, импульс, побуждающий сказать: "Нет, вы не будете указывать нам, что делать – мы это решим за себя сами".
Такие отказы могут рассматриваться как трещины, сбои в системе капиталистического господства. Капитализм – это (в первую очередь) не экономическая система, а система управления. Капиталисты посредством денег управляют нами, веля нам делать то-то и то-то. Отказы подчиняться подрывают власть капитала. В связи с этим вопрос для нас ставится следующим образом: как возможно приумножение и расширение этих отказов, этих трещин в системе доминирования?

5. Существует два способа мыслить эту проблему.
а) В соответствии с первым, подобные движения, практикующие неподчинение, не могут считаться зрелыми и эффективными, пока они не будут сфокусированы на конечной цели. Дабы приобрести эффективность, им следует сосредоточиться на приходе к государственной власти – либо путем выборов, либо посредством свержения существующего государственного строя и установления нового, революционного. Организационная форма, способная привести к данной цели – это партия.
Вопрос о приходе к власти – это не столько вопрос о будущих намерениях, сколько о нынешней организации. Как нам следует организовать самих себя в настоящем? Следует ли присоединяться к партии как организационной форме, которая фокусирует наше недовольство на захвате государственной власти? Или эта самоорганизация должна проходить в иной форме?
б) Второй способ размышлять об экспансии и расширении движений неподчинения значит сказать: "Нет, не следует впрягать их в одну партийную упряжку, они должны свободно процветать, идти любым путем, которым поведет их борьба"... Это не означает, что не должно быть вовсе никакой координации, но ее должно быть значительно меньше. Главный ориентир – не государство, а общество, которое мы хотим создать.

6. Главный аргумент против первой концепции заключается в том, что она ведет нас в неверном направлении.
Государство – это не вещь, не нейтральный объект. Это форма социальных отношений, форма организации, способ ведения дела, который в течение столетий развивался в целях обеспечения власти капитала. Если в своей борьбе мы фокусируемся на государстве или принимаем его за главный ориентир, важно понимать, что государство втягивает нас в определенную колею… Прежде всего, оно стремится насильственно отделить нашу борьбу от общества, превратить нашу борьбу в борьбу "во благо", борьбу "во имя". Оно отделяет лидеров от масс, представителей – от представляемых, нам навязывается иной тип рассуждения, иной тип мышления. Нас втягивают в процесс примирения с реальностью, которая есть на самом деле реальность капитализма, т.е. форма социальной организации, основанная на эксплуатации и несправедливости, на убийстве и уничтожении. Нам также навязывается пространственное определение, четко отграничивающее территорию государства от внешнего мира и проводящее ясное различие между "гражданином" и "иностранцем". Нам навязывается пространственное определение борьбы, пресекающее любые надежды на соответствие глобальным перемещениям капитала.
В истории государственно-ориентированных левых есть одно ключевое понятие, а именно, понятие предательства. Снова и снова лидеры предают движение, и вовсе необязательно оттого, что они плохие люди. Это происходит потому лишь, что государство как форма организации отделяет лидеров от движения и вовлекает их в процесс примирения с капиталом. Предательство уже задано самим государством как формой организации.
Можем ли мы этому противостоять? Безусловно! Мы можем отказать государству в праве определять лидеров или же постоянных представителей движения, мы можем не позволить делегатам вступать в тайные переговоры с представителями государства. Но это ведет к осознанию того, что наши формы организации отличаются от форм организации государства, что между ними нет симметрии. Государство – это организация "во благо", а то, чего хотим мы – это организация самоопределения, форма организации, позволяющая нам артикулировать наши желания, наши решения, все, что мы находим необходимым или желательным. Другими словами, то, чего мы хотим – это форма организации, для которой государство не является главным ориентиром.

7. Довод против принятия государства за главный ориентир ясен. Однако как быть с другой концепцией в целом? Довод в пользу ориентации на государство можно рассматривать как "стержневую" концепцию развития борьбы. Предполагается, что у борьбы есть стержень – захват государственной власти. Сначала мы концентрируем все наши усилия на захвате власти, для этого нам и нужна организация. Затем, как только мы достигаем желаемого, можно подумать и об иных формах организации, о революционизировании общества. Сначала мы движемся в одном направлении – с тем, чтобы потом суметь двигаться в другом. Проблема в том, что динамику, приобретенную в первую фазу, сложно или невозможно "погасить" во время второй.
Противоположная концепция фокусируется непосредственно на типе общества, которое мы хотим создать, без прохождения стадии государства. Здесь нет никакого стержня: организация непосредственно связана с теми социальными отношениями, которые мы хотим создать. Если первая концепция предполагает, что радикальная трансформация общества должна произойти после захвата власти, то вторая настаивает на том, что трансформация должна начаться уже сейчас. Революция не тогда, когда наступит подходящее время, а революция здесь и сейчас.
Эта революция "здесь-и-сейчас" есть прежде всего стремление к самоопределению. Самоопределение не может существовать в условиях капиталистического общества. А что может и действительно существует – так это стремление к социальному самоопределению: движение против чужых решений, против решений, принимаемых другими. Такое движение неизбежно носит экспериментальный характер. Однако три положения здесь очевидны:
а) Стремление к самоопределению – это движение против предоставления другим возможности решать за нас. Т. о., это движение против представительской демократии и за создание некой формы прямой демократии.
б) Стремление к самоопределению несовместимо с государством, которое является формой организации, решающей за нас, а потому исключающей нас.
в) Стремление к самоопределению не имеет смысла до тех пор, пока оно не возводит в центральный принцип самоопределение нашей работы, нашей деятельности. Оно неизбежно направлено против капиталистической организации труда. Т.о. речь идет не просто о демократии, но о коммунизме, не просто о восстании, а о революции.

8. Для меня эта вторая концепция революции есть как раз то, на чем следует сконцентрироваться. Отрицание государственно-ориентированной концепции вовсе еще не означает, что противоположная концепция лишена проблем. Я вижу три принципиальные проблемы, ни одна из которых, впрочем, не может послужить поводом для возвращения к идее захвата государственной власти.
а) Во-первых, как быть с давлением государства? Я не думаю, что мы должны вооружаться с тем, чтобы одержать победу над государством в открытой конфронтации: вряд ли мы сможем победить. И потом, это в любом случае приведет к воспроизводству тех самых авторитарных общественных отношений, против которых мы боремся. Также я не думаю, что ответ заключается в том, чтобы контролировать государство, взяв под контроль армию и внутренние войска: использование армии и полиции "на благо народа" приведет к конфликту с теми, чья борьба связана с нежеланием видеть кого-то, кто действует им "на благо". Это оставляет нам единственную возможность: попытаться найти другие способы "отговорить" государство от применения по отношению к нам силы. Возможно, придется прибегнуть к некоторого рода вооруженному противостоянию (как это было в случае с сапатистами), но, прежде всего, необходимо полагаться на действенность интеграции восставших в сообщество.
б) Во-вторых, сможем ли мы развить альтернативные формы труда внутри капиталистического общества? И до какой степени нам удастся создать альтернативные формы общественной связи между различными видами деятельности – иные, нежели "стоимость"? Многие эксперименты указывают направление для принятия возможного решения (fbbricas recuperadas, "возвращенные фабрики" в Аргентине2, к примеру). Такие возможности целиком и полностью зависят от масштаба самого движения. Тем не менее данный вопрос остается главной проблемой. Как нам следует мыслить общественное устройство производства и распределения, идущее снизу (от мятежных островков капитализма), а не от центрального органа планирования?
в) В-третьих, какой должна быть организация самоопределения? Как нам организовать прямую демократию в масштабах, выходящих за пределы местного уровня? Классический ответ на этот вопрос – идея Советов, связанных Советом Советов, куда Советы направляют делегатов, которые могут быть немедленно отозваны. В основе своей эта идея представляется верной. Однако ясно, что даже в малых группах проведение в жизнь демократии всегда проблематично. Так что единственный способ осуществления прямой демократии – непрерывный процесс экспериментирования и самообразования.

9. Можем ли мы изменить мир, не прибегая к захвату власти? Единственный способ узнать ответ – это проверить.

Примечания:
[1] Восстание в Аргентине, вспыхнувшее в декабре 2001 года.
[2] Фабрики, захваченные и управляемые рабочими

Джон Холлоуэй *представил эти тезисы на Мировом Социальном Форуме в Порту-Алегри в январе 2005 г., где они вызвали живое обсуждение. Они широко публиковались в Интернете (например, на сайте "Автономия и Солидарность" http://auto_sol.tao.ca/node/view/1289).*
Джон Холлоуэй родился в Дублине в 1947 г. Он один из теоретических сторонников сапатистского восстания в Мексике, где он жил и преподавал с 1991 г.. Кроме своей центральной работы "Как изменить мир, не прибегая к захвату власти" и многочисленных статей о сапатистах, Холлоуэй редактировал "Глобальный Капитал", "Национальное Государство и Политика Денег" (1995), а также "Пост-фордизм и общественные формы: марксистские споры о пост-фордистском государстве" (1992).

Александр Скидан | Больше вопросов, чем ответов

В своем тексте Холлоуэй поднимает сразу несколько крайне важных проблем, причем делает это в форме тезисов, ясной и четкой, подробно разбирая трудности, с которыми сталкивается революционная теория на современном этапе. Такое стремление к дискурсивной прозрачности, трезвому рассмотрению всех «за» и «против», можно только приветствовать. Другая симпатичная (и симптоматичная) черта текста – его открытость, вопросительная модальность. В тезисах, вообще говоря располагающих к «сильным» утверждениям, «директивам», больше вопросов, чем ответов. В этом Холлоуэй солидарен с коммуникативной стратегией Маркоса и других революционеров новой генерации, предельно внимательных к любыми проявлениями авторитарности, в том числе текстуальной.
И здесь мы касаемся главного нерва тезисов, их «посылки», сигнализирующей о серьезных изменениях в практике революционных движений, с которыми не может не считаться теория. (Разумеется, автора легко обвинить в «ревизионизме» и «анархизме», сославшись на полемику Маркса с Бланки, на «Государство и революцию» Ленина. Но это значило бы отделаться ярлыками, упустив из виду актуальный исторический опыт; в конце концов, именно «Государство и революция» показывает, как Маркс и Энгельс корректировали свои взгляды, исходя из опыта революций1848-1851 годов, затем Парижской коммуны и далее, вплоть до предисловия к «Гражданской войне» 1891 года.) Итак, за всеми антикапиталистическими выступлениями, всеми восстаниями последних лет, говорит Холлоуэй, стоит один и тот же импульс, один и тот же порыв, который он называет «стремлением к самоопределению» (*drive toward self-determination*): «Нет, вы не будете указывать нам, что делать – мы это решим за себя сами». «Мы» в такой «витальной», «волевой» огласовке – это коллективный субъект истории, волящий себя самозаконодателем; субъект, изоморфный «единоличному» суверенному субъекту западноевропейской метафизики, освобождение к свободе которого, свободе, понятой как «уверенное в самом себе самозаконодетельство», «перехлестывает» любые навязанные извне формы организации (о-пределения).
Такая «диспозиция» относительно нова; с одной стороны, она носит массовый и в то же время «рассредоточенный», дискретный характер; с другой, акцент здесь ставится не на «классовое сознание» (самосознание), а на витальный порыв, аффект. По-своему об этом «парадигматическом сдвиге» пишут Хардт и Негри в «Империи», когда указывают, что основной элемент новизны современной борьбы заключается в том, что она, как и тот новый мир, в котором она разворачивается, «знает только внутреннее, витальное и неотвратимое участие во множестве общественных структур безо всякой возможности их трансцендирования». Это та точка, в которой открытая «форма» тезисов точно отвечает их «содержанию»: никакой авторитарности; никакой власти; «мы будем делать то, что сами сочтем нужным и желательным». Тут завязывается целый клубок вопросов, в которых политическое тесно переплетается с метафизикой субъекта, того витального и анонимного «мы», которое впервые выходит на арену всемирной истории, становится ее главным действующим лицом. Лицом без «лица», без «Бога», без «царя» и без «героя», как пелось в революционном псалме об освобождении. Радикальная секуляризация, расколдовывание мира, процесс, тайной пружиной которого долгое время был «научный коммунизм», захватывает на современном этапе и само учение, чьи положения сегодня уже невозможно воспринимать как догматы.

Александр Скидан, *род. 1965 г. в Ленинграде, поэт, критик, переводчик, член рабочей группы «Что делать?». Живет в Петербурге*

John Holloway: Porto Alegre Theses

1. Perhaps we can change the world without taking power. Perhaps we can not. The starting-point - for all of us, I think - is uncertainty, not knowing, a common search for a way forward.

2. We are searching for a way forward, because it becomes more and more clear that capitalism is a catastrophe for humanity. A radical change in the organisation of society, that is, revolution, is more urgent than ever. And this revolution can only be world revolution if it is to be effective.

3. But it is unlikely that world revolution can be achieved in one single blow. This means that the only way in which we can conceive of revolution is as interstitial revolution, as a revolution that takes place in the interstices of capitalism, a revolution that occupies spaces in the world while capitalism still exists. The question is how we conceive of these interstices, whether we think of them as states or in other ways.

4. In thinking about this, we have to start from where we are, from the many rebellions and insubordinations that have brought us to Porto Alegre. The world is full of such rebellions, of people saying NO to capitalism: NO, we shall not live our lives according to the dictates of capitalism, we shall do what we consider necessary or desirable and not what capital tells us to do. Sometimes we just see capitalism as an all-encompassing system of domination and forget that such rebellions exist everywhere. At times they are so small that even those involved do not perceive them as refusals, but often they are collective projects searching for an alternative way forward and sometimes they are as big as the lacandon jungle or the argentinazo of three years ago or the revolt in Bolivia just over a year ago. All of these insubordinations are characterised by a drive towards self-determination, an impulse that says “No, you will not tell us what to do, we shall decide for ourselves what we must do.”
These refusals can be seen as fissures, as cracks in the system of capitalist domination. Capitalism is not (in the first place) an economic system, but a system of command. Capitalists, through money, command us, telling us what to do. To refuse to obey is to break the command of capital. The question for us, then, is how do we multiply and expand these refusals, these cracks in the texture of domination.

5. There are two ways of thinking about this.
a) The first says that these movements, these many insubordinations, lack maturity and effectiveness unless they are focussed, unless they are channelled towards a goal. For them to be effective, they must be channelled towards the conquest of state power - either through elections or through the overthrowing of the existing state and the establishment of a new, revolutionary state. The organisational form for channelling all these insubordinations towards that aim is the party.
The question of taking state power is not so much a question of future intentions as of present organisation. How should we organise ourselves in the present? Should we join a party, an organisational form that focuses our discontent on the winning of state power? Or should we organise in some other way?
b) The second way of thinking about the expansion and multiplication of insubordinations is to say “No, they should not be all harnessed together in the form of a party, they should flourish freely, go whatever way the struggle takes them.” This does not mean that there should be no coordination, but it should be a much looser coordination. Above all, the principal point of reference is not the state but the society that we want to create.

6. The principal argument against the first conception is that it leads us in the wrong direction. The state is not a thing, it is not a neutral object: it is a form of social relations, a form of organisation, a way of doing things which has been developed over several centuries for the purpose of maintaining or developing the rule of capital. If we focus our struggles on the state, or if we take the state as our principal point of reference, we have to understand that the state pulls us in a certain direction. Above all, it seeks to impose upon us a separation of our struggles from society, to convert our struggle into a struggle on behalf of, in the name of. It separates leaders from the masses, the representatives from the represented, it draws us into a different way of talking, a different way of thinking. It pulls us into a process of reconciliation with reality, and that reality is the reality of capitalism, a form of social organisation that is based on exploitation and injustice, on killing and destruction. It also draws us into a spatial definition of how we do things, a spatial definition which makes a clear distinction between the state’s territory and the world outside, and a clear distinction between citizens and foreigners. It draws us into a spatial definition of struggle that has no hope of matching the global movement of capital.
There is one key concept in the history of the state-centred left, and that concept is betrayal. Time and time again, the leaders have betrayed the movement, and not necessarily because they are bad people, but just because the state as a form of organisation separates the leaders from the movement and draws them into a process of reconciliation with capital. Betrayal is already given in the state as an organisational form.
Can we resist this? Yes, of course we can, and it is something that happens all the time. We can refuse to let the state identify leaders or permanent representatives of the movement, we can refuse to let delegates negotiate in secret with the representatives of the state. But this means understanding that our forms of organisation are very different from those of the state, that there is no symmetry between them. The state is an organisation on behalf of, what we want is the organisation of self-determination, a form of organisation that allows us to articulate what we want, what we decide, what we consider necessary or desirable. What we want, in other words, is a form of organisation that does not have the state as its principal point of reference.

7. The argument against taking the state as the principal point of reference is clear, but what of the other concept? The state-oriented argument can be seen as a pivoted conception of the development of struggle. Struggle is conceived as having a central pivot, the taking of state power. First we concentrate all our efforts on winning the state, we organise for that, then, once we have achieved that, we can think of other forms of organisation, we can think of revolutionising society. First we move in one direction, in order to be able to move in another: the problem is that the dynamic acquired during the first phase is difficult or impossible to dismantle in the second phase. The other concept focuses directly on the sort of society we want to create, without passing through the state. There is no pivot: organisation is directly pre-figurative, directly linked to the social relations we want to create. Where the first concept sees the radical transformation of society as taking place after the seizure of power, the second insists that it must begin now. Revolution not when the time is right but revolution here and now.
This prefiguration, this revolution here-and-now is above all the drive to self-determination. Self-determination cannot exist in a capitalist society. What can and does exist is the drive towards social self-determination: the moving against alien determination, determination by others. Such a moving against determination by others is necessarily experimental, but three things are clear:
a) The drive towards self-determination is necessarily a drive against allowing others to decide on our behalf. It is therefore a movement against representative democracy and for the creation of some form of direct democracy.
b) The drive towards self-determination is incompatible with the state, which is a form of organisation which decides on our behalf and thereby excludes us.
c) The drive towards self-determination makes no sense unless it includes as its central point the self-determination of our work, our activity. It is necessarily directed against the capitalist organisation of work. We are talking, therefore, not just of democracy but of communism, not just of rebellion but of revolution.

8. For me, it is this second conception of revolution that we have to concentrate on. The fact that we reject the state-centred conception does not mean obviously that the non-state centred conception does not have its problems. I see three principal problems, none of which is an argument for reverting to the idea of taking state power:
a) The first issue is how to deal with state repression. I do not think the answer is to arm ourselves so that we can defeat the state in open confrontation: we would be unlikely to win and anyway it would involve reproducing precisely the authoritarian social relations we are fighting against. Nor do I think that the answer is to take control of the state so that we can control the army and the police forces: the use of the army and police on behalf of the people obviously comes into conflict with the struggles of those who do not want anyone to act on their behalf. This leaves us with trying to find other ways of dissuading the state from exercising violence against us: this may have to involve some degree of armed resistance (as in the case of the Zapatistas), but must surely rely above all on the strength of the integration of the rebellion into the community.
b) The second issue is whether we can develop alternative doings (alternative productive activity) within capitalism, and to what extent we can create an alternative social nexus between activities, other than value. There are many experiments that point in the direction of some sort of solution (the fábricas recuperadas in Argentina, for example) and the possibilities will obviously depend on the scale of the movement itself, but this remains a major problem. How do we think of a social determination of production and distribution that moves from the bottom up (from the interstitial revolts) rather than from a central planning body.
c) The third issue is the organisation of social self-determination. How do we organise a system of direct democracy on a scale that goes beyond the local level in a complex society? The classic answer is the idea of councils linked by a council of councils to which the councils send instantly recallable delegates. This seems basically correct, but it is clear that even in small groups the operation of democracy is always problematic, so that the only way in which direct democracy can be conceived is as a constant process of experimentation and self-education.

9. Can we change the world without taking power? The only way to find out is to do it.

John Holloway *presented these theses at the World Social Forum in Porto Alegre, 2005, where they provoked a lively discussion. They have been published widely over the internet, for an instance at the website “Autonomy and Solidarity” at http://auto_sol.tao.ca/node/view/1289*
Born in Dublin in 1947, John Holloway is one of the theoretical supporters of the Zapatista insurgency in Mexico, where he has been living and teaching since 1991. In addition to his central “How to Change the World Without Taking Power” and his numerous works on the Zapatistas, Holloway edited Global Capital, National State and the Politics of Money (1995) and Post-Fordism and Social Form: A Marxist Debate on the Post-Fordist State (1992).
He currently teaches at the Institute for the Humanities and Social Sciences at the Autonomous University of Puebla (Mexico).

Alexander Skidan | More Questions than Answers

John Holloway’s “Porto Allegre Theses” raise several extremely important problems at once. Clear and focused, they launch into an extensive exploration of the difficulties that revolutionary theory will encounter at its present-day stage. We can only welcome this attempt at discursive transparency and its sober evaluation of all “pros” and “contras”. Another reason the text is so sympathetic (and so symptomatic) can be found in its openness, its questioning modality. Even if its points for discussion are theses – a genre that usually entails “strong” assertions or “directives” – they contain more questions than answers. In this, Holloway displays his solidarity with the communicative strategies of Commandante Marcos and other next-generation revolutionaries, many of whom are acutely sensitive to the appearance of authoritarianism of any ilk, even if it is textual.

This is where we touch upon the text’s central nerve, its “message”, signalizing that the practices of revolutionary movements have undergone deep-seated changes, changes to which most of their theories have trouble accounting for. (Of course, it is easy to accuse the author of “revisionism” and “anarchism” in the vein of Marx’ polemic against Blanqui or even Lenin’s “State and Revolution”. But this would mean brushing the whole matter of by applying some label, losing sight of current historical experience; in the end, “State and Revolution” shows how Marx and Engels corrected their views based upon the experience of the revolution 1848-1851, then the Paris Commune, up until the foreword to “The Civil War” of 1891). Thus, all the anti-capitalist manifestations, all the uprisings of the last years, says Holloway, are characterized by the same impulse, which he calls the drive to self-determination. “NO, we shall not live our lives according to your dictates, we shall do what we consider necessary or desirable” Vocalized in such a “vitalist”, “volitional” key, “we” figures as the collective subject of history, willing itself to be its own legislator, a subject isomorphic to the “singular” sovereign subject of Western European metaphysics, a subject in need of liberation, in need of a freedom that understands itself as “the ability to be certain of itself in self-legislation” and “spills out” of any form of organization (de-finition) imposed from outside or above.

This kind of “disposition” is relatively new; on the one hand, it is characterized by its discreteness, its mass-medial qualities, but at the same time, by its dispersion or diffusion; on the other hand, it does not accentuate “class consciousness” (self-consciousness) but the vital impulse, the affect. Negri and Hardt seem to write about this “paradigm shift” in “Empire”, pointing out that the main innovative element of the contemporary struggle lies in that it – like the new world in which it unfolds – “knows only an inside, a vital and ineluctable participation in the set of social structures, with no possibility of transcending them.” This is the point at which the open “form” of theses corresponds to its “content””: no authoritarianism, no power: “we will do what we need or want”. This enmeshes us in an entire knot of problems, in which the political closely entangles itself with the metaphysical subject, that vital and anonymous “we” which is stepping out in the arena of world-history for the first time, becoming its main character, determining the face of the epoch. A face without “faciality”, without “savior, prince or peer”, without God, without kings, without heroes, as the revolutionary psalm of emancipation tells us. The radical secularization and disenchantment of the world, a process – driven by the secret spring of “scientific communism” for such a long time – which is now sweeping up even those teachings whose assumptions can no longer be interpreted as dogmata today.

Alexandr Skidan, *born 1965 in Leningrad, is a poet, critic, and translator is one of “Chto delat’s” founding members.*

Colectivo Situaciones | Высотная болезнь / Заметки о путешествии по Боливии*

1. В своей разнородности и беспрестанном движении Боливия предоставляет одновременно опыт постижения разлома и магмы. Там, в Боливии, тела и языки рассказывают истории, которые являются вызовом для того, кто стремится понимать, находиться рядом, получать удовольствие. Наше путешествие в феврале 2005 года стало борьбой между этой попыткой понимания и сложностями адаптации (не последнюю роль в этом сыграла высота). А еще оно стало спором, в котором знание об аргентинских событиях последних лет позволяло занять необычную точку зрения. И этот диалог между процессами разрушения-созидания оказался жизненно важным для каждой из сторон.

2. Приехать в Боливию значит поразиться атмосфере, которая создает крайнее напряжение между различными элементами, той многообразной динамике, которая сегодня определяет — множеством способов — синтаксис движения и борьбы на большом пространстве Латинской Америки. Связь с Боливией — это часть необходимой и обновленной программы по ликвидации безграмотности.
Кажется, что любое изображение допускает возможность въдения и прочтения. Сейчас пространство, называемое «латиноамериканским», являет себя зрителям через возникновение национальных правительств, именуемых «левыми». Ликбез, который мы предлагаем, предоставляет нам новые коды для чтения этого процесса. Правительства эти — каждое в своем роде — функционируют как продолжение, объяснение, замена, подчинение, вытеснение и/или реорганизация движений и представлений о жизни (буквально: опыта), которые сталкиваются между собой в целых регионах этого континента — регионах самых горячих и творческих, — так политика развивается снизу. Такой демократический импульс не может набирать мощь без моментов взрыва, которые расширяют границы и открывают новые территории, но, очевидно, ему не обойтись и без созидания и обновления, которыми характеризуются открытые процессы.

3. Подобно тому, как в Аргентине появилось слово «пикетчики», в Боливии борьба тоже порождает новые выражения. Средства массовой информации изобретают способы для обозначения каждого прорыва. Так, агрессивность, которую несет в себе всякая борьба, немедленно получает название «война за» (воду, кокаин, газ). Однако эти «войны» не являются организующими моментами в сознательной и продуманной стратегии контроля над государственным аппаратом, как это было всего два десятилетия назад, и вместе с тем очевидно, что последствия таких конфликтов находят отражение в постоянной политизации и в нейтрализации и износе механизмов управления центральной власти. Так называемое насилие при протестах в Боливии не планируется и не направляется традиционными революционными организациями — оно исходит от импульсов общества (comunitarios), которые осознаются лишь отчасти. Это не единственно возможная тактика, а лишь один из многих моментов. Вот почему избирательная стратегия в индейских и простонародных (popular) группах сосуществует с очень жестким или подспудным сопротивлением, и такое сосуществование не только противоречиво, но при этом и жизнеспособно, а в некоторых случаях даже признаваемо.

4. Еще одно впечатление о построении этой социальной грамматики, которое сложилось у нас, относится к тому, что можно коротко обозначить как проблемы мобильности. Территории «войны» в то же время представляют собой посадочную полосу и перевалочный пункт для больших внутренних миграций. Эту функцию перенаправления миграционных потоков нужно рассматривать в двух измерениях. В процессе либеральной передислокации крестьянской и шахтерской рабочей силы (80 е и 90-ые годы) стало четко различимо изменение экономического лица (профиля) Боливии, и при этом утратил смысл опыт борьбы и идентификации, накопленный за десятилетия политической работы. Вместе с тем по прошествии двух десятилетий можно видеть, как начинают укрепляться новые связи, что включает в себя и возрождение элементов прошлой жизни (как шахтерские кварталы в Эль-Альто) — там борьба в городе усиливается за счет традиции профсоюзной борьбы, и новообразования, которые получаются из освоения и создания новых способов объединения, из появления новых субъектов борьбы. Такая реорганизация проявляет себя по-разному у аймаров, у крестьян кечуа, в боливийских Движение крестьян без земли.

5. В Боливии, как и во многих других местах, невозможно отказаться от смешанного способа понимания. Не существует «ОДНОГО» принципа, который годится для объяснения всех звуковых и визуальных феноменов. Да, в обществе налицо разлом, который невозможно скрыть; однако жесткость, заложенная в этом образе, не позволяет разглядеть магматическую текучесть (иногда более динамичную и горячую, вплоть до взрыва, иногда более медленную и холодную). То же самое относится к понятиям старого и нового. Представляется, что вершинные достижения классической философской мысли допускают мысль, что старое не есть предшествующее во времени, а новое не есть более недавнее: старое уже рождается старым, а новое вечно ново. Старое не является анахронизмом, а новое не приемлет логики моды и снобизма. Тогда старым будет то, что лишено способности творить. А новое, наоборот, — это вековечная способность к порождению. Это отступление нам понадобилось, чтобы сказать, что в Боливии существует древняя и мощная способность к самоуправлению, которая сегодня проявляет себя в создании сети повседневных связей и в то же время заключает в себе способность ведения борьбы без чрезмерного распределения ролей между узкоспециальными и излишне профессиональными организациями. Такие связи продолжают существовать, однако их часто объявляют непродуктивными, патриархальными и многосложными (strategist). Одна тенденция дополняет другую.

6. Еще одна особенность боливийского движения сопротивления связана с попытками создания того, что мы могли бы назвать (со всем нежелание использовать слово «организация» для обозначения этого явления) «негосударственными противовластными организациями». Здесь мы можем наблюдать за способами устроения, отбора и функционирования ограниченной репрезентативности, с очень жестко контролируемой системой выдвижения и полномочий, в форме ассамблеи, с широким и постоянным кругом деятельности. Таковы FEJUVE (федерация пятисот ассамблей Эль-Альто, объединенных общим руководством), Координаторы защиты природных ресурсов (они уже вышли на уровень самоуправления национальных предприятий (empresas publicas)) и Аульюс (производственные коммуны в Альтиплано); и этот опыт общественного контроля предвосхищает такие способы присвоения ресурсов, в которых угадываются попытки организации коллективной силы, сильно отличные от классического призыва к огосударствлению. Тем не менее негосударственный статус таких организаций не отменяет их фундаментальной двойственности: как в их дискурсе, так и в представлении о них (imaginarios) элементы негосударственных взаимоотношений совмещаются с постоянным присутствием государства на горизонте.

7. Разумеется, поверх этой амбивалентной сети связей внутри народа действуют и элиты: политические, социальные, языковые и экономические. Стратегия, с помощью которой этот блок борется с современным кризисом власти, тоже многоплановая: от прямого оспаривания земельной ренты и характера добычи полезных ископаемых до автономизации стратегически важных регионов и обращений в международные трибуналы с целью сохранить наилучшие условия за боливийской верхушкой (Aguas del Illimani-Suez Lyonnaise des Aux и Aguas del Tunari-Bechtel); от выдвижения новых правых кандидатов до подготовки военизированных группировок для противостояния крестьянам, берущим землю; от «сдерживания» пограничных правительств (Аргентина и Бразилия) до предупреждения Соединенных Штатов о том, что в случае возможного взрыва понадобится установить материально-военную границу. (Представляется, что озабоченность североамериканского военного аппарата событиями в Боливии ретроспективно подтверждает интуитивную догадку Че Гевары о геостратегическом потенциале этой страны в сердце Южной Америки.)

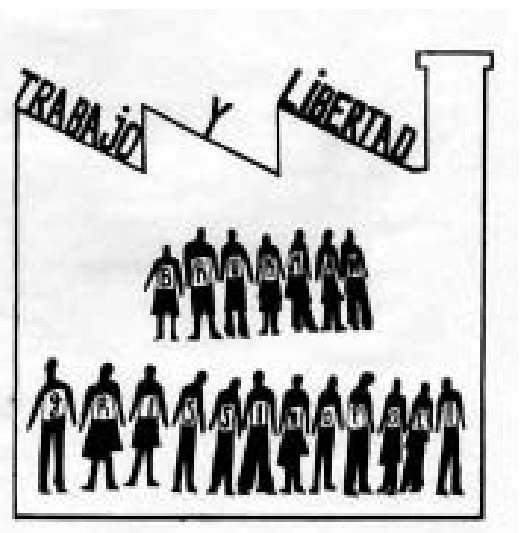
8. Глубину революции, которая развивается в Боливии, можно оценить исходя из того, что поставлено на карту: a) Появление в народе нового сложного субъекта (popular), который с полным правом претендует на политическое слово, что ставит под вопрос нынешнюю иерархическую структуру, которая организует социум и на которой держится государство; b) Перестроение форм общественной жизни и соответствующих им способов борьбы; c) Антагонизм с наднациональной структурой колониальных государств. Вместе с тем в любом из возможных вариантов проявляется организационный принцип, который — полностью или частично — оспаривает режим автономии в какой-либо из сфер политики и заставляет пересматривать термины, в которых описывается народная демократия. Поскольку процесс этот комплексный, взгляд на него с какой-либо одной точки зрения не является достаточным.

9. Подведем итог: в Боливии есть живая способность к социальному творчеству, хотя — парадоксальным образом — к этому можно добавить: «в кризисном состоянии». В Боливии проблемы противостояния власти явлены в концентрированном виде, они находятся на очень высоком уровне развития, но при этом речь не идет о «примере исчерпывающей полноты». И больше того: вполне вероятно, что объяснение многим факторам, вызывающим внутренний «кризис» в (противовластных) движениях, легче обнаружить в Чиапасе, а также в опыте других аргентинских движений.
Боливия несет в себе некое уплотнение общих проблем, она заостряет на них внимание, но она не является сердцевиной или единственным местом, где можно постичь суть процесса. Мы не можем сказать, что судьба «противовластия» (contrapoder) решается в Боливии, но «без Боливии» мы перестаем понимать общую грамматику борьбы в Латинской Америки. Исходя из этой грамматики мы чувствуем необходимость связать опыт изучения и усвоения двух полюсов, имеющих столько же сходств, сколько и различий: движения в Боливии и опыт сапатизма в Мексике. Сапатизм опробовал целый ряд созидательных стратегий — например, таких как выработка голоса и образа, подходящих для создания свободных муниципалитетов и автономных регионов (Хунты хорошего правления), но теперь он чувствует, что достиг границ своего эксперимента, и в этом качестве призывает к созданию новой широкой политической стратегии (Шестая декларация EZLN - запатисткого движения в Чапосе). Как в Боливии, так и в Мексике радикальные движения должны вслух заявить о своих цивилизаторских перспективах и о тактике построения своих автономий, чтобы противостоять динамике разъединения. Как в Боливии, так и в Мексике сейчас идет дискуссия о характере возможных прогрессистских правительств, если таковые будут созданы после ближайших выборов. В обеих странах существует сила, противостоящая власти, которая пытается позиционировать себя по отношению к тому, что ей предстоит, и кроме того у них было какое-то время, чтобы посмотреть, как работает в Аргентине и в Бразилии (это два разных случая) сложная взаимосвязь между тремя понятиями: демократические правительства с прогрессистскими установками, неолиберальные условия существования и жизнь самих движений.

«Colectivo Situaciones» *— это название воинствующего способа исследования (investigacion militante), вокруг которого объединился наш коллектив. Мы работаем уже больше пяти лет, в основном в форме философских семинаров (talleres de pensamiento), с проведением экспериментов в духе нового радикализма. Среди прочего, мы проводим совместные исследования с группой H.I.J.O.S., с Группой народного скрэша???, с Крестьянским движением Сантьяго дель Эстеро (MOCASE), с Движением безработных тружеников (MTD) Солано, с группами альтернативного образования, такими как Образовательная коммуна «Растем вместе» Морено и Кочевой университет, с группами контр-информации, например, lavaca, с художественными коллективами, как Группа уличного искусства, и с отдельными людьми в нашей стране и в других регионах. С самого возникновения мы работаем над проектом автономного издания, чтобы публиковать и распространять опыт нашей работы. Деятельность этого года продолжается в форме боевого издательства (editorial militante), которое мы назвали Tinta Limyn Ediciones (w w w . t i n t a l i m o n e d i c i o n e s . o r g).*

* Примечание: это фрагмент более длинного текста, который вскоре будет опубликован в книге «Высотная болезнь» (Buenos Aires: Tinta Limyn Ediciones, 2005).

Перевод с испанского: Кирилл Корконосенко



Группа Taller Popular de Serigraphia

“Мы – группа художников-графиков, которые участвуют в борьбе за социальную справедливость, используя рисунки, чтобы свидетельствовать о времени и о месте, где разворачивается протест…”
Группа TPS родилась благодаря одному из многочисленных народных собраний, проводившихся в районах Буэнос Айроса после восстания в декабре 2001 года.

Taller Popular de Serigraphia

"We are the group of graphic artist engaged in the battle for social justice, using pictures which try to witness the atmosphere of the time and the place where the protest evolves…"
The TPS came into being through one of the many people's assemblies which arose in the districts of Buenos Aires after the national uprising in December 2001.

Colectivo Situaciones | Altitude Sickness / Notes on a Trip to Bolivia*

1. In its heterogeneity and permanent movement, Bolivia is at the same time the experience and the fracture of magma. It is there where faces, bodies, and languages tell stories that challenge those seeking to understand, accompany, and enjoy. Our trip, in February 2005, was a struggle between this attempt to understand and the difficulties of adaptation (of which altitude was not the least of obstacles). It is also a wager on the distinctive outlook opened by what took place in recent years in Argentina. And this dialogue between processes of de-institution-construction is vital for both.

2. To arrive in Bolivia is to be surprised at an atmosphere that concentrates an extreme tension between different elements, a polymorphous dynamic that today characterizes, in different ways, the syntaxis of the movements and struggles of a good portion of Latin America. To connect with Bolivia is part of a necessary and renovated literacy.
It looks as though any image let itself be seen and read. Today the space referred to as "Latin American" appears to the public through the emergence of so-called "leftist" national governments. The literacy we propose is one that allows us to have new keys to read this process. These governments—each in its own way—function as an extension, interpellation, substitution, subordination, displacement and/or reorganization of the movements and experiments that strive, in entire regions of the continent—precisely the hotter and more creative ones—to unfold a politics from below. This democratic impulse does not thrive without moments of insurrection, which spatialize and open new terrains, but, evidently, nor does it emphasize the constructive and innovative dimension of the processes that have been opened.

3. As with the "piqueteros" in Argentina, in Bolivia the struggles summon new expressions. The media invent new ways of naming each irruption. Thus, the aggressiveness displayed by the struggles is immediately called "war for" (water, coca, gas). These "wars," however, are not moments of organization within a designed and consistent strategy over the control of the apparatus of the state, as it could have been conceived only two decades ago, althought it is evident that the consequences of these conflicts have a bearing on a constant politicization and a neutralization and erosion of central power's ability to command. The so-called violence in the struggles in Bolivia is not decided and deployed by traditional revolutionary organizations, but by communitarian impulses more or less configured as such. This is why the coexistence of an electoral strategy of indigenous and popular groups along with harder or hidden resistances is not only highly conflictive but also persistent and even partially articulable at some moments.

4. Another feeling we have about the construction of this social grammar has to do with what we could quickly call questions of mobility. The territories of "war" constitute at the same time the terrain of a settlement and a recomposition of the large internal migrations. This component of re-territorialization of population flows has a double dimension. With the process of neoliberal relocalization of the campesino and mining labour power in the 1980s and '90s a reorganization of the economic profile of Bolivia took place, decomposing, at the same time, an experience of modes of struggle and identification achieved after decades of popular political work. And at the same time, after two decades, it is possible to perceive the beginning of the weaving of new links from the reviving of elements of the earlier life (as in the mining neighbourhoods of El Alto) that operates as a contribution of the unionist tradition to urban struggle, to the invention that arises from adaptating and creating new modes of linkage and new subjects of struggle. This reorganization appears, in different ways, with the Aymaras, the Quechua peasants (1), and the Landless Peasants Movement (MST) of Bolivia.

5. In Bolivia, as in many other places, it is not possibile to give up a mixed regime of understanding. There is not "ONE" explanatory principle of the audible and visible phenomena. There is an unconcealable social fracture, of course; but the rigidity that this image presupposes hides the magmatic fluidity (sometimes hotter and more dynamic toward revolt, other times colder and slower). The same happens with the old and the new. It seems that certain pinnacles of classical philosophical thought admit a doctrine according to which the old is not the oldest, nor is the new the most recent, but rather the old is born old and the new is so for eternity. The old is not anachronistic and the new does not admit the logic of fashion and snobbism. The old would be that which is separated from the ability to create. The new, in contrast, is the ancient possibility of production. All this to say that in Bolivia there is an ancient and wide-ranging self-management capacity that is actualized today configuring networks of everyday life, and, at the same time, it harbours a capacity to develop struggles without excessively specializing specific and professional organizations. However, these networks coexist and are regarded, once and again, as unproductive, patriarchical, and strategistic logics. Both tendencies survive.

6. Another aspect in relation to the aptitudes of the Bolivian resistance movement is linked with the experiments of constructing what we could call (with all the objections we have regarding the use of the term "institution" as a name for this phenomenon) "non-statist institutions of counterpower." We are witnessing the instauration of methods of organization, selection, and production of a limited representativity, exercised by very controlled delegation and mandate, following the assembly model, with broad and permanent coordinating bodies. From the FEJUVE (a federation of 500 assemblies from the El Alto area) to the coordinating committees for the defense of natural resources (which already consist of levels of self-management of public enterprises) or the Ayllus (productive communities from the Altiplano) and the extended experiences of community control all anticipate modes of appropriation of resources that are outlined in situations of organization of collective power (*potencia*)[2] very different from the classical demand for the state ownership of public services. Its non-statist character, however, does not elude a fundamental ambiguity: as much in its imaginaries as in its discourses elements of a non-statist sociability mix with the continuance of a statist horizon.

7. Of course the political, social, linguistic and economic elites operate upon the ambivalence that runs through the popular networks. The strategy with which this bloc confronts the present crisis of domination is plural and includes aspects from the direct dispute over rent and the extractive productive profile to the autonomization of strategic regions and the appeal to international tribunals to condition the capacities of Bolivian sovereignty (Aguas de Illimani-Suez Lyonnaise de Aux and Aguas de Tunari-Bechtel); to the nomination of new candidates from the right to the preparation of paramilitary groups to confront the campesinos that seize land; to the "contention" by the neighboring countries (Argentina and Brazil) to the regional preparation of the United States in order to be able to place a material-military limit to an eventual outburst of social unrest. (The concern of the U.S. military apparatus about what is going on in Bolivia seems to retroactively confirm Che Guevara's intuition with respect to its geostrategic potential in the heart of South America.)

8. The depth of the revolution that is developing in Bolivia can be assessed by the importance of what it brings to bear: a) The affirmation of a new complex popular subject that aspires to its full right to speak politics, which questions the structure of hierarchies that organize society and upon which the state finds support; b) the recomposition of communitary forms of life and their correlates in modes of struggle; c) the antagonism with the transnational structure of the colonial state. In any of the possible variants, however, a principle of organization develops which totally or partially questions the regime of autonomy of a sphere of politics and reconsiders the terms of a popular democracy. Because of the complexity of the process no linear vision can be sustained without problems.

9. In short: in Bolivia there is a social creativity that is alive, althought it is also possible to say that it is—paradoxically—"in crisis." In Bolivia the problems of counterpower are concentrated and highly developed, but still this is not an "exhaustive sampling." Moreover, it is possible that, in regard to many of the aspects inside the movements that cause "crisis," there are in Chiapas, but also in some other movements in Argentina and the rest of the continent, more advanced experiments.
Bolivia implies a certain contraction of general problems, which it displays with a certain accentuation, but it represents neither the heart nor the sole point where the essence of the process unfolds. We could not say that Latin America's counterpower is at stake in Bolivia, but we could say, perhaps, that "without Bolivia" we miss the general grammar of the struggles of present day Latin America. And in this grammar we perceive that it is essential to link the experience and elaboration of two poles so similar and yet so different: the movements in Bolivia and the Zapatista experience in Mexico. After trying out a series of strategies of construction that encompass from the constitution of a voice and an imaginary of their own to the creation of free municipalities and autonomous regions (Juntas of Good Government), Zapatismo feels they have arrived at a limit of their experience and as such are calling for the constitution of a new broad political strategy (Sixth Declaration of the EZLN). As much in Bolivia as in Mexico, the radical movements have to articulate their civilizatory perspectives and the construction of their autonomies to certain tactics in order to confront the dynamics that disperse them. Both Bolivia and Mexico are torn today over the nature of possible progressive governments that might result from the next elections. In both countries there is a counterpower that attempts to position itself in relation to what is coming, but in addition both had some time to watch, in Argentina and in Brazil (two different cases), the functioning of a complex relation between three terms: democratic governments with progressive aspirations, neoliberal conditions of existence, and the life of movements.
(notes by translators - *Nate Holdren and Sebastián Touza*)
* This is an excerpt from a longer piece that will be published soon in the book *Mal de altura* (Buenos Aires: Tinta Limón Ediciones, 2005).
1. Aymaras and Quechuas are the two main ethnic groups in Bolivia.
2. In Spanish there are two words corresponding to the English word "power": *potencia* and *poder*. *Potencia* refers to power as capacity – the power to act, power in the sense of "empower". *Poder* refers to constituted power in institutions, in the sense of "the powers that be" or "state power".

Situaciones *is the name of an ongoing militant research around which our collective is organized. We have been working together for more than five years, and we do it, fundamentally, in workshops in which we think along with experiments of the new radicality. Among others, we have participated in co-research with the group H.I.J.O.S. and Mesa de Escrache Popular, the Campesino Movement of Santiago del Estero (MOCASE), the Movement of Unemployed Workers (MTD) of Solano, with experiments in alternative education, such as the Educational Community Creciendo Juntos (Growing Together) and the Universidad Trashumante (Transhumant University), with counterinformation collectives, such as lavaca, and art collectives, such as the Grupo de Arte Callejero (Street Art Group), and with people from this country and other regions. Since we came together we elaborated an autonomous press, in order to publish and disseminate the expressions of this work.*
This has grown to become a militant-press which we call Tinta Limón ediciones (www.tintalimonediciones.org).

ВНЕ СЕБЯ: ДИАЛОГ О ПОЛИТИКЕ

Осень. Оксана, Алексей и Артем возвращаются с демонстрации. Артем зонтом с длинной ручкой ворошит листья. Оксана улыбается. Алексей оборачивается к Артему, продолжая разговор.

Алексей: ...Что такое политика, попросту говоря?

Артем: Политика - это все, что выводит из себя.

Алексей: Тогда политика – это лишь род исступления. И в кухонной ссоре выводят друг друга из себя. Поэтому и говорят о «кухонных политиках».

Артем: Да, политика - это эк-стаз. На кухнях она и начинается: от сковородки к классовой борьбе. Когда обнаруживают бесконечное, что объединяет спорящих и заставляет забыть о себе.

Оксана: Но в политике разводят по разные стороны баррикад. Посмотрите на левых. Их могут вывести из себя жалкие доктринерские мелочи!

Артем: Люди враждуют именно потому, что чувствуют близость друг к другу. Борются за общее, которое никому в отдельности не принадлежит. Политика – единство мира, реализующее себя в форме антагонизма.

Оксана: Рядом с дружбой-враждой стоят куда более серьезные силы. Вот они-то уж точно – вне нас. Нужно *развернуть* к нам их онтологию.
Тогда и будет коммунизм!

Алексей: Важно, *кто* выводится из себя, и против *кого*. Иногда просто выводят из себя - в пустоту. Следует действовать вопреки ожиданиям жрецов от политики.

Артем: Возможно, политика и пришла на смену религии. Но ее телевизионным жрецам мы верим столь же мало, сколь реформаторы верили церкви. Политика поднимается *против* государств, из их недр, людьми вне себя.

Алексей: Люди поднимаются не только против государств и империй. Как класс они выходят из себя против класса, узурпировавшего общее. Но многие люди могут выйти из себя и просто в качестве многих. Никакое государство не сможет увести это множество обратно. *Такую* политику мы еще увидим, и ...

Артем: Постойте-ка. Гриб!
Артем останавливается и начинает разгребать кучу листьев. Под ней обнаруживается большой аппетитный гриб.

BESIDE OURSELVES: A DIALOGUE ON POLITICS

It is autumn. Oxana, Alexei, and Artem are returning from a demonstration. Artem rakes through the fallen leaves with a long umbrella. Oxana is smiling. Alexei turns to Artem to continue their conversation.

Alexei: ...What is politics, pure and simple?

Artem: Politics is that which puts you beside yourself.

Alexei: Then politics is a kind of ecstatic frenzy. In kitchen quarrels, people will provoke one another to the point of being beside themselves. This is actually we mean when we talk about “kitchen politicians”.

Artem: Sure. Politics is ec-stasis, literally. It can start in the kitchen, leading from the frying pan to the class struggle. This is what happens when the infinite intervenes, making the parties forget themselves and see what they are fighting for.

Oxana: But in politics, people are always divided into two camps. Look at our Left: they are often beside themselves over the pathetic little details of doctrine!

Artem: People become enemies precisely when they feel they are too close to one another. And then, they fight over the common that does not belong to anyone in particular. Thus, politics is the unity of the world, but it realizes itself in the form of antagonism!

Oxana: Then again, there are more serious forces besides friendship and enmity. These forces are beside us. We have to turn their ontology in our direction. And this is what communism will be!

Alexei: What is important is who is put beside him/herself and against whom. Sometimes, they carry us off into the void. We have to act against the expectations of the political priests.

Artem: Maybe politics really is today’s alternative to religion. But we don’t believe its TV priests any more than the reformers believed in the Church. Politics rises against the state, out of its depth, fuelled by people who are beside themselves.

Alexei: People don’t only rise against states or empires. As a class, they are carried by anger and step out against a class that has usurped the common. But many people can step out for no reason, simply as the many. No state can carry this multitude back. We will see more of this politics, and...

Artem: Wait a second! A mushroom!
Artem stops and starts to rake through a pile of leaves. Under it, one can see a large mushroom.